

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет
Кафедра гражданского права

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО
ПРАВА**

Сборник научных статей

Тверь, 2023

УДК 347(082)+347.61/.64(082)

ББК Х404я43+Х404.5я43

А43

Ответственный за сборник

– научный руководитель,
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой гражданского права
Тверского государственного университета,
декан юридического факультета О.Ю. Ильина

А43 Актуальные проблемы гражданского и семейного права: сборник студенческих научных статей / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. – 98 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи бакалавров, магистрантов и аспирантов юридического факультета Тверского государственного университета, интересующихся вопросами гражданского и семейного права.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры гражданского права от 07.02.2023 г., протокол № 7.

УДК 347(082)+347.61/.64(082)

ББК Х404я43+Х404.5я43

СОДЕРЖАНИЕ

Баунов И.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЕЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ	3
Баранова Е.В. АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУПРУГАМИ, БЫВШИМИ СУПРУГАМИ	8
Баранова Е.И. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ МЕЖДУ СУПРУГАМИ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА	13
Баютин П.И. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВ АВТОРА И ИМУЩЕСТВЕННОМ РЕЖИМЕ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО НА РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЙ В ПЕРИОД БРАКА И ДОХОДЫ ОТ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	17
Бозова Э.Ю. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ОТМЕНЕ ОГРАНИЧЕНИЙ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ	25
Галахов Е.Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ (НАСЛЕДНИКОВ) АВТОРА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	30
Гришанов Д.А. УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ДЕЛ ПО ЛИШЕНИЮ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ	35
Каргин Д.В. ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)	40
Малинин А.И. ПРИОРИТЕТ И ПРАВО НА ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ	45
Никитченко А.А. ОТСТУПЛЕНИЕ СУПРУГАМИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА ОТ РАВЕНСТВА ДОЛЕЙ	51
Румянцева С.А. ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ И ДРАГОЦЕННОСТИ – ПОРЯДОК РАЗДЕЛА МЕЖДУ СУПРУГАМИ	63
Старикова И.А. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ УВОЛЬНЕНИЯ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ, НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРАКТИКИ	

СУДОВ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ	68
Тарасов Н.И. ОБ ОЧЕРЕДНОМ ЭТАПЕ ДСКУССИИ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ	73
Фролов С.А., Шутов Р.О. ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЕГО РОДИТЕЛЕЙ	78
Шамкин И.В. НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ КАК ОСНОВАНИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА	86
Шутков В.М. ЗАЩИТА ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ	92

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЕЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

И.В. Базунов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В 2022 году в связи с жестким санкционным давлением правовое регулирование сферы электронных подписей подверглось ряду изменений. Данный факт является примером широких адаптационных возможностей российского законодательства и будет предметно рассмотрен в данной статье.

Ключевые слова: квалифицированная электронная подпись, федеральный закон, машиночитаемая доверенность

В современной России цифровизация сферы взаимодействия бизнеса и государственных надзорных органов приобретает всё большие масштабы. Эта тенденция наметилась ещё в 2002 году, когда закон №1 «Об электронной цифровой подписи» был принят Государственной думой. В рамках этой инициативы были обозначены основы дальнейшего перехода предпринимательства и государственного контроля в цифровой формат для уменьшения нагрузки на бюрократический аппарат. В дальнейшем правовое регулирование данной сферы только улучшалось, что дало крайне позитивный эффект. Уже к 2019 году большая часть документооборота с органами, осуществляющими государственный надзор, могла осуществляться в электронном виде с применением электронной цифровой подписи – инструмента, позволяющего дублировать подпись уполномоченного лица в электронном виде для последующего осуществления электронного документооборота. В настоящее же время ведение бизнеса без квалифицированной электронной подписи практически невозможно, так как многие регламентированные отчеты более не дублируются на бумажных носителях. Таким образом, актуальность данной темы в рамках обозначенной области не может подвергаться сомнению.

Существует несколько видов электронных подписей в зависимости от нужд конкретного лица. В рамках данной работы внимание будет заострено на квалифицированной электронной подписи, которая отличается от всех прочих самым высоким уровнем защиты и приданию электронному документу неоспоримой юридической силы. Только данный вид подписи подходит для электронного обмена документами между юридическим лицом и надзорными органами Российской Федерации.

Улучшение регламентирования данной сферы деятельности началось ещё в 2019 году, когда был принят Федеральный закон № 476 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который значительно ужесточал контроль и регулирование сферы электронных подписей [1]. Предполагалось в несколько этапов добиться

следующих целей:

- 1) Передать контроль за выпуском квалифицированных электронных подписей федеральной налоговой службе;
- 2) Ввести новый порядок идентификации владельцев электронных подписей;
- 3) Ужесточить требования к аккредитации удостоверяющих центров;
- 4) Сделать электронные подписи не копируемыми для уменьшения риска мошенничества.

В то же время бумажный формат обмена документами сохранялся, как основной метод документооборота или же дублирующий. Стоит также упомянуть, что инициативы по улучшению данной сферы во многом относятся к национальному проекту России «Цифровая экономика», реализуемому с 2018 года. Этот факт ещё раз подтверждает, что электронный документооборот и использование электронных подписей в рамках ведения бизнеса и осуществления государственного контроля признавались важными и планомерно развивались.

Серьёзные сдвиги в данной области случились в 2020 году с началом эпидемии вируса Covid-19, который внёс значительные коррективы во взаимодействие граждан и государства. Данное событие регламентировалось введением режима «Повышенной готовности» на территории Российской Федерации, подразумевавшего ряд ограничений на личные контакты, что сильно затруднило подачу документов в контролирующие органы в физическом формате. Также большая часть предприятий была переведена на дистанционный режим работы, что также не позволяло своевременно заверять необходимые документы подписью директора или индивидуального предпринимателя. В этих условиях был принят Федеральный закон №248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». В пункте один настоящего закона закреплено требование для контролирующих органов использовать электронную подпись и электронный документооборот для проведения надзорных мероприятий. Пункт пять, в свою очередь, устанавливает электронный формат информирования контролируемого лица, как достаточный.

Таким образом, бумажный формат осуществления государственного надзора был окончательно ликвидирован. Как уже говорилось, такой резкий шаг в сторону цифровизации был вызван форс-мажорными обстоятельствами, введением режима для преодоления кризиса и вынужденными санкциями со стороны государства в отношении лиц, нарушающих данный режим. В этих условиях переход на цифровой формат был форсирован, что можно рассматривать как совершенствование правового регулирования в условиях внутреннего давления обстоятельств непреодолимой силы.

В остальном переход к полному электронному документообороту проходил по намеченному в федеральном законе № 476 плану в рамках сроков переходного периода, который должен был закончиться 31 декабря 2022 года. С этого дня все выпущенные по старым правилам квалифицированные электронные подписи должны были прекратить своё действие, а машиночитаемые доверенности стать обязательными к использованию

юридическими и физическими лицами. Тем не менее проведение указанных в законе мероприятий требовало от государственных надзорных органов создать необходимую инфраструктуру.

Важной инновацией в электронном документообороте стала машиночитаемая доверенность – цифровой документ, заверенный электронной подписью юридического лица, позволяющий какому-либо лицу действовать от имени юридического лица. 14 июля 2022 года был установлен порядок их выдачи. Данная технология в первую очередь должна использоваться при осуществлении государственного контроля, то есть – стать общепринятым средством заверения регламентированной отчетности юридических лиц в контролирующие органы и, в конечном итоге, стать одним из главных результатов усилий правительства по цифровизации экономики России в целом и области государственного надзора в частности [2].

В 2022 году в связи с внешними факторами, данная законодательная инициатива оказалась под угрозой. Создание необходимой инфраструктуры со стороны контролирующих органов стало фактически невозможно в связи с внешним санкционным давлением. В силу этого, юридические лица и индивидуальные предприниматели не могли в указанные сроки исполнить установленные законом требования. Данные факты и обращения представителей отрасли были учтены и привели к вынесению на рассмотрение парламента Российской Федерации законопроекта № 216878-8. Данный законопроект был принят в полном объёме и опубликован 19 декабря 2022 года. Он предусматривает перенос даты окончания переходного периода с 31 декабря 2022 года на 31 августа 2023 года [3]. Эти изменения дают юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также контролирующим органам Российской Федерации дополнительное время на адаптацию к новым условиям, что вписывается в общую тенденцию адаптации долгосрочных законодательных инициатив в связи с новыми факторами внешней и внутренней политики страны.

Примеров подобной адаптивности при совершенствовании правового регулирования той или иной отрасли можно найти достаточно много, и далеко не всегда они связаны с объективными политическими факторами или обстоятельствами непреодолимой силы. Так 30 декабря 2008 года был принят федеральный закон N 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Помимо прочего, данный закон обязывал с 1 июля 2009 года по 31 декабря 2009 года привести уставные документы обществ с ограниченной ответственностью в соответствие новым нормам, то есть – провести процедуру перерегистрации компании [4]. В то время услугу по перерегистрации в Москве оказывала только лишь Межрайонная ИФНС России № 46 по г. Москве. При этом, для перерегистрации необходимо было личное присутствие генерального директора общества. Все эти факторы создали большой наплыв личных обращений в ИФНС и многотысячные очереди, что было зафиксировано средствами массовой информации [5]. Процесс перерегистрации обществ был значительно затруднён, что делало невозможным исполнения требований закона. В сложившихся условиях были внесены

изменения в статью 5 федерального закона №312-ФЗ, которые заменили формулировку «не позднее 1 января 2010 года» на «при первом изменении уставов таких обществ» [6]. Таким образом, адаптация закона под действием объективных факторов помогла купировать негативные последствия и оказать позитивное воздействие на правовое регулирование данной сферы.

Научные мнения на счет законодательного регулирования сферы электронных подписей достаточно разнятся. Так, авторы статьи «Совершенствование системы аккредитованных удостоверяющих центров как единая информационно-техническая и организационно-правовая проблема» указывают, что ужесточение требований к аккредитации удостоверяющих центров фактически закрывает данную сферу для малого бизнеса и фактически ведёт к созданию монополий. В сочетании с указанными выше внутренними и внешними факторами, данная проблема может ещё более усугубиться [7].

Кандидат экономического наук Вячеслав Павлович Шуйский связывает ускорение цифровизации в России с пандемией вируса Covid-19. Он также отмечает планомерность развития данной области начиная с 2002 года в рамках законодательных инициатив [8].

Из приведённого выше материала можно сделать следующий вывод – испытания последних лет не замедлили развитие законодательства в сфере использования электронных подписей. Правительство Российской Федерации, опираясь на установленные в Федеральном законе № 476 положения и временные рамки, планомерно развивает данную область. Тем не менее, постоянно изменяющиеся условия требуют проявления большой гибкости проводимой политики.

Список литературы

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "Об электронной подписи" и статью 1 Федерального закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" от 27.12.2019 N 476-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс – режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341757/30b3f8c55f65557c253227a65b908cc075ce114a/#dst100254

2. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 14.07.2022 № 339-ФЗ // официальный интернет-портал правовой информации – режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140102>

3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.12.2022 № 536-ФЗ // официальный интернет-портал правовой информации – режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212190068>

4. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2008 г. № 312-ФЗ, статья 5, часть 2 // Администрация Президента России – режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28751>

5. Бруснев М. Очередь в налоговую. 1500 человек и 15 часов ожидания// Комсомольская правда – режим доступа: <https://www.msk.kp.ru/daily/24370.4/552889>

6. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 17.12.2009 г. № 310-ФЗ// Администрация Президента России –режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30317>

7. Киздершимов А.А. Киздершимова С.Х. Совершенствование системы аккредитованных удостоверяющих центров как единая информационно-техническая и организационно-правовая проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки, 2017

8. Шуйский В.П. Цифровизация экономики России: достижения и перспективы. Вестник Института экономики Российской академии наук, 2020

Об авторе:

Базунов Игорь Валерьевич – аспирант 1 курса юридического факультета, направление подготовки «Частноправовые (цивилистические науки)», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33), E-mail Comrade.Bazunov@yandex.ru

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУПРУГАМИ, БЫВШИМИ СУПРУГАМИ

Е.В. Баранова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Осуществляется сравнительный анализ правоприменительной практики по вопросам исполнения алиментных обязательств супругами, бывшими супругами, и установления размера алиментных выплат. Анализируется практика решений разных судебных инстанций, акцентируется внимание на судебной практике в различных регионах Российской Федерации.

***Ключевые слова:** алименты, алиментные обязательства супругов, нуждающиеся супруги, судебная практика, семейный кодекс, супруги.*

В связи с возрастающим количеством исковых заявлений, связанных с исполнением супругами или бывшими супругами своих алиментных обязательств, большое значение приобретает проблема определения суммы алиментных выплат вследствие отсутствия чётких критериев для их установления. Подобный подход в российской практике в настоящее время обуславливается исключительно механизмом поддержания жизни, а не компенсацией на случай потери дохода после расторжения брака.

В рамках темы данной статьи автор считает целесообразным рассмотреть позиции учёных относительно определения понятия «алименты» или «алиментные обязательства», в силу различных мнений, высказанных в научной литературе по вопросу данного определения.

По мнению исследователя Л.М. Пчелинцевой, алименты выступают элементом, составной частью содержания в рамках семейных правоотношений [7]. Аналогичное определение алиментам даёт и Е.О. Жучкова, по мнению которой алименты – есть денежные средства или иной вид содержания, которые уплачивает лицо, на которого возложена соответствующая обязанность, в пользу другого лица [5]. Из научного труда В.П. Никитиной следует понятие алиментов в виде обязательства, по которому, в случае, прямо установленном законом, на одно лицо из числа членов семьи возлагается обязанность по содержанию других членов семьи, нуждающихся в материальной поддержке [6].

Автор склонен согласиться с мнением учёных, считающих алименты составной частью содержания – материальной поддержки одних членов семьи другими. Данное право на получение алиментов, т.е. на взаимопомощь супругов, бывших супругов закреплено в статьях 89, 90, Семейного Кодекса Российской Федерации [3].

Субъектами алиментных правоотношений по теме данной статьи являются супруги, бывшие супруги [2].

Алиментные обязательства супругов специфичны, поскольку законодателем предусмотрены как основания для выплаты алиментов нуждающейся стороне, так и освобождение супруга от обязанности по алиментным выплатам или ограничение этой обязанности сроками, тем самым, законодатель, исходя из

положений статей Семейного Кодекса Российской Федерации 89, 90, 92, предоставил суду право, по своему усмотрению, не отходя от требований семейного законодательства, принимать решения, связанные с алиментными обязательствами супругов, бывших супругов.

Статья 19 Конституции Российской Федерации провозглашает, что мужчина и женщина имеют одинаковые права и свободы, и одинаковые возможности для их осуществления [1]. По мнению О.Ю. Ильиной, достаточно интересны с точки зрения равенства прав мужчины и женщины положения главы 14 СК РФ, посвященной алиментным обязательствам супругов и бывших супругов. По общему правилу супруги обязаны материально поддерживать друг друга. В случае отказа от такой поддержки и отсутствия между супругами соглашения об уплате алиментов право требовать предоставления алиментов в судебном порядке имеют не все супруги, а лишь некоторые их категории. Эти же категории супругов, приобретя статус бывших, при соблюдении отдельных дополнительных условий сохраняют право требовать выплаты алиментов на свое содержание от бывшего супруга [4].

В разных субъектах Российской Федерации отмечаются различные подходы к определению размера алиментов, взыскиваемых судом на содержание супруга.

С целью исследования данного вопроса нами были проанализированы решения судебных инстанций различных регионов Российской Федерации. Некоторые из них приведены в данной работе, как пример, позволяющий глубже понять особенности правоприменительной практики по вопросам исполнения алиментных обязательств супругами.

Так, из Определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 апреля 2020 года, по делу № 88-9682\2020 следует, что гражданка обратилась в суд первой инстанции с требованием о взыскании алиментов на своё содержание. Суд удовлетворил заявление истицы в части данного требования, и взыскал с ответчика в её пользу алименты в твёрдой денежной сумме, в размере пяти тысяч рублей до достижения ребёнком трёхлетнего возраста, так как истица находится в отпуске по уходу за ребёнком до достижения возраста трёх лет, и не имеет возможности обеспечивать в полной мере своё собственное содержание [9]. Данное решение прошло три судебных инстанции.

Анализ Определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2020 года по делу № 88-7510\2020 год показывает: истец обратилась к ответчику с требованием о взыскании алиментов на содержание бывшей супруги, инвалида третьей группы и пенсионера по старости.

Решением суда первой инстанции судебного участка № 29 г. Пскова от 26 июля 2019 года, исковые требования истца удовлетворены частично. Алименты в твёрдой денежной сумме с ответчика взысканы, но в меньшем размере, чем просила истец, а именно, в размере двух тысяч рублей, что соответствует 0,21% прожиточного минимума, установленного для пенсионеров постановлением администрации Псковской области от 22 июля 2019 года №284, с даты подачи в суд искового заявления и с последующей индексацией.

Апелляционным Определением Псковского городского суда Псковской области от 25 ноября 2019 года, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Однако, Третий кассационный суд общей юрисдикции Определением от 21 апреля 2020 года отменил апелляционное Определение Псковского городского суда Псковской области от 25 ноября 2019 года и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [10].

Решением Нижнегорского районного суда республики Крым от 10 августа 2017 года [11] частично удовлетворены иски жены к бывшему супругу о взыскании алиментов на своё содержание. Суть спора: брак расторгнут. В период нахождения в браке у супругов родилась дочь, которая является инвалидом с детства в силу диагноза ДЦП, нуждается в уходе, так как себя не обслуживает, и бывшая жена осуществляет за ребенком постоянный уход. Истец не работает по вышеуказанным причинам и относится к категории «нуждающийся». Ответчик, не оказывающий материальную помощь истцу, и имеющий возможность трудоустроиться, может выплачивать алименты на содержание бывшей супруги, осуществляющей уход за общим ребёнком-инвалидом до достижения последним восемнадцати лет. Судом назначена ежемесячная выплата с индексацией и привязкой к величине прожиточного минимума (0,39% величины прожиточного минимума для трудоспособного населения в Республике Крым, установленного за первый квартал 2017 года).

Из данных примеров следует, что супруги, бывшие супруги, имели законное право обратиться в суд для взыскания алиментов на своё содержание. Буквальное толкование статьи 89 Семейного Кодекса Российской Федерации приводит автора к выводу, что основанием для требования алиментов на содержание супругов, бывших супругов, является нуждаемость и нетрудоспособность, состояние беременности (применительно к женщине), или уход за ребёнком до трёх лет, либо наличие в семье ребёнка-инвалида. На законодательном уровне установлено ещё одно условие: достаточные средства для выполнения обязанности по содержанию, которыми обладает плательщик алиментов. В противном случае, помимо добровольной поддержки супругами друг друга, положения п.1 статьи 89 Семейного Кодекса Российской Федерации принудительно реализованы быть не могут, в силу отсутствия законных оснований. Правоприменитель в данном случае старается дать разъяснения, выясняя действительные доходы сторон спора, а также устанавливая реальную нуждаемость стороны, обратившейся в суд за защитой прав на свое содержание.

Можно привести ещё три примера, которые демонстрируют различные варианты определения размера алиментов, подлежащих взысканию с одного из супругов, бывших супругов на содержание другого.

Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 № 88-5796\2022 по делу № 2-1688\2021, оставило в силе решение Никулинского районного суда г. Москвы от 22 апреля 2021 года и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 октября 2021 года, по которому суд установил порядок обеспечения права истца на свое содержание до достижения ребёнком трёхлетнего возраста, в сумме

прожиточного минимума на душу населения по Москве, т.е., в сумме 17841,00 рублей [12].

Апелляционное определение Воронежского областного суда от 23.07.2019 № 33-4719\2019, оставило в силе решение Аппинского районного суда Воронежской области от 29 марта 2019 года, где суд взыскал на содержание истца сумму меньше прожиточного минимума для трудоспособного населения по Воронежской области, т.е. в сумме 7000 рублей, вместо 9296 рублей по прожиточному минимуму в Воронежской области [13].

Половину прожиточного минимума, установленного для трудоспособного населения г. Казани, в пользу истца на её содержание, с ответчика взысканы алименты по достижении ребёнком трёхлетнего возраста в твёрдой денежной сумме ежемесячно в размере 5000 (пяти тысяч) рублей, согласно Определения Кировского районного суда г. Казани от 13.02.2017 по делу №11-17\2017. В данном Определении суд ссылается на соблюдение баланса интересов сторон, с учетом материального положения сторон [14].

Суды, при рассмотрении дел по алиментным обязательствам супругов, бывших супругов, руководствуются Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» [8].

Анализ большинства судебных решений показал, что основной критерий, на который ориентируется суд, это прожиточный минимум в том регионе, где выносится то или иное решение, как предусматривает закон. По мнению автора, чётких критериев для определения размеров алиментных выплат на законодательном уровне не разработано.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «Консультант плюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ (ред. от 21.11.2022г.) // СПС «Консультант Плюс».
4. Ильина О.Ю. Синаллагматическое обязательство супругов: проблема интереса и равенство прав супругов. В сборнике: Защита прав и охраняемых законом интересов граждан, факультетские Научные чтения им. Профессора Р.Е. Гукасяна. Тверь, 2022, С.37-43
5. Жучкова О.Е. Проблемы применения норм семейного права в судебных спорах, связанных с расторжением брака. М.: Юрлитинформ, С.174.
6. Никитина В.П. Правовые проблемы регулирования имущественных отношений в семье. М., 1976. С.275.
7. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник для вузов, М. 1999
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (п.42,43,44,45,46,47).
9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 апреля 2020 года, по делу № 88-9682\2020 // СПС «Консультант Плюс».
10. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2020 года по делу № 88-7510\2020 // СПС «Консультант Плюс»

11. Решение Нижегородского районного суда республики Крым от 10 августа 2017 года // СПС «Консультант Плюс»
12. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 № 88-5796\2022 по делу № 2-1688\2021 // СПС «Консультант Плюс»
13. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 23.07.2019 № 33-4719\2019 // СПС «Консультант Плюс»
14. Определения Кировского районного суда г. Казани от 13.02.2017 по делу № 11-17\2017// СПС «Консультант Плюс»

Об авторе:

Баранова Елена Владимировна – аспирант 2 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», направления подготовки 40.06.01 Юриспруденция, SPIN-код: 3179-2045, e-mail: elenadvokat@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ МЕЖДУ СУПРУГАМИ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА

Е.И. Баранова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рассматриваются проблемы формирования судебной практики, разнообразие судебной практики по вопросам раздела имущества супругов, проблемы определения общего имущества супругов и личного имущества каждого из них.

Ключевые слова: имущество супругов, раздел имущества, личная собственность, совместная собственность, судебная практика, собственность супругов.

Отношения, устанавливающие режим собственности каждого из супругов, режим совместной собственности супругов, её раздел, регулируются положениями статей Семейного кодекса РФ [4] (далее СК РФ). Соответствующие разъяснения содержатся и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [3]. В состав имущества, которое подлежит разделу, включается общее имущество супругов, имеющееся у них в наличии на время рассмотрения дела, либо находящееся у третьих лиц. При разделе имущества учитываются право требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи и общие долги супругов (п. 3 ст. 39 СК РФ). Если раздел имущества затрагивает интересы третьих лиц, суду в соответствии с п. 3 ст. 24 СК РФ необходимо обсудить вопрос о выделении этого требования в отдельное производство.

Правовое регулирование отношений, складывающихся в сфере раздела имущества, осуществляется нормами гражданского и семейного законодательства. Вопрос о соотношении между данными отраслями права — это актуальный вопрос, который не всегда определяется судами правильно и влечет за собой неверное разрешение спора. Суды не всегда учитывают приоритетное значение норм именно семейного законодательства в регулировании семейных отношений, а также не всегда применяют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в Постановлении Пленума от 05.11.1998г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», и правоприменительную практику. При этом не в полной мере учитывают, что положения Гражданского кодекса РФ [1] (далее ГК РФ) применяются в части, не противоречащей СК РФ.

Имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, является его собственностью (согласно ст. 36 СК). Казалось бы, все просто, но на практике применение данной статьи вызывает свои трудности.

Автор соглашается с исследователем Косаревым К.В., который полагает, что при разделе имущества применяется общее правило о равенстве долей, при этом отмечается, что законодатель допускает ряд исключений. В связи с чем, несмотря на формальную простоту правил, в правоприменительной деятельности возникает множество сложностей при разделе имущества супругов

[2].

Приведем несколько примеров, связанных с разделом имущества между супругами, которые демонстрируют ошибки, допускаемые судами при разрешении гражданских дел указанной категории.

Так, из определения Верховного суда Российской Федерации от 22.09.2020 г. № 41-КГ20-10-К4 следует, что Р. обратился в районный суд с иском к А. о разделе совместно нажитого имущества и об исключении из его состава квартиры. Обосновал свои требования Р. тем, что указанная квартира была приобретена сторонами в период брака, но на личные денежные средства Р., полученные от продажи наследства, принятого им после смерти бабушки.

Решением районного суда исковые требования Р. удовлетворены, за ним признано право личной собственности на квартиру, а за А. прекращено право собственности на указанную квартиру.

Апелляционным определением решение районного суда отменено и принято новое решение, которым разделено совместно нажитое имущество Р. и А., состоящее из квартиры, по 1/2 доле в праве собственности за каждым. Судом кассационной инстанции определение оставлено без изменения.

Р. подал жалобу в Верховный Суд Российской Федерации и просил отменить апелляционное и кассационное определение судов, как незаконные.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение суда и кассационное определение суда отменила, оставила в силе решение районного суда, указав, что судом первой инстанции правильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, и дано толкование норм материального права, подлежащего применению к отношениям сторон.

Чтобы правильно определить статус имущества: личное оно или общее, необходимо понять, на какие средства его покупали и по каким сделкам. Согласно ст. 36 СК РФ то, что один из супругов получил безвозмездно (в дар или в порядке наследования), общим имуществом не является. В приведенном примере квартира была приобретена на денежные средства, полученные от продажи наследства, следовательно, денежная сумма не может рассматриваться как совместное имущество – эти средства не являются общим доходом.

Имущество, купленное в браке, но на деньги одного из супругов, исключает это имущество из режима общей совместной собственности. Это правило действует и в том случае, если это имущество было оформлено на другого супруга.

В данном случае суд апелляционной и кассационной инстанций в своих решениях согласился с выводами суда первой инстанции о том, что на приобретение спорной квартиры были потрачены личные денежные средства одного из супругов, но при этом исходили из того, что один из супругов распорядился своими денежными средствами, внося их в общий бюджет семьи, и в связи с тем, что квартира приобретена на имя жены, оснований считать эту квартиру личной собственностью мужа не имелось.

Сложной ситуацией является, если земельный участок один из супругов купил до брака, а после – вместе с женой построил на этом земельном участке

дом. Так, из Определения Верховного суда РФ от 03.12.2019 г. N 49-КГ19-51 следует, что Б. до свадьбы купил небольшой дом в сельской местности. После этого он снес этот домик и построил новый. Женившись, они уже вместе с супругой продолжили реконструкцию дома, в итоге площадь постройки увеличилась в несколько раз.

Суд первой инстанции посчитал, что спорная недвижимость является его личным имуществом и при разводе не подлежит разделу.

Апелляция, напротив, постановила разделить все имущество поровну.

Дело дошло до [Верховного суда](#) РФ, который занял позицию, что поскольку часть жилого дома приобретена Б. до вступления в брак, суду апелляционной инстанции следовало учесть стоимость этой части жилого дома, при определении размера долей сторон в праве общей собственности на жилой дом, и уже в соответствии с этим определять доли сторон. При этом в деле решался вопрос раздела именно дома, а не участка, который остался супругу.

В данном случае, земля останется за изначальным собственником, а именно за Б., так как это его личный актив. А вот постройки следует делить между супругами с учетом оценки построенного дома Б. до вступления в брак, то есть с учетом вложения личных денежных средств Б. на строительство дома до брака.

Как показывает изучение судебной практики, при рассмотрении судами разных инстанций гражданских дел о разделе имущества между супругами, судами часто допускается неверное толкование и неверное применение норм материального права и норм гражданского процессуального законодательства, а именно неправильное определение обстоятельств, подлежащих доказыванию, неверное распределение между сторонами бремени доказывания, разрешение вопросов о правах третьих лиц, не привлеченных к участию в деле, отсутствие в судебных постановлениях оценки доводам сторон о вложении личных средств в супружеское имущество (от реализации имущества, приобретенного до брака, в порядке дара, наследования, по иным безвозмездным сделкам, после фактического прекращения брачных правоотношений и т.д.).

Не всегда при рассмотрении дела в суде первой инстанции правомерно совершается то или иное распорядительное действие, нарушающее в конечном итоге требования закона или права и законные интересы других лиц, что влечет за собой отмену судебного решения и направление дела на новое рассмотрение.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05.12.2022 г.) // РГ. 1994. № 238-239.

2. Косарев К.В. Обзор судебной практики по делам, связанным с разделом совместно нажитого супругами имущества // Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 64-67.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998г. № 15 (ред. от 06.02.2007 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // РГ. 1998 № 219.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г.) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.

Об авторе:

Баранова Евгения Ивановна – аспирант 2 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», направления подготовки 40.06.01 Юриспруденция, SPIN-код: 3179-2045, e-mail: evgenka2606@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВ АВТОРА И ИМУЩЕСТВЕННОМ РЕЖИМЕ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО НА РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЙ В ПЕРИОД БРАКА И ДОХОДЫ ОТ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

П.И. Баютин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье анализируются нормы действующего законодательства, регулирующие порядок наследования отдельных прав автора и отдельные вопросы, связанные с имущественным режимом на доходы от использования результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: наследование авторских прав, раздел совместно нажитого имущества, общие доходы супругов.

Нужно отметить противоречия в законодательстве, связанные с возможностью наследования отдельных личных неимущественных прав автора. Например, для права на отзыв в законе нет уточнения о возможности наследования такового. Профессор Э. П. Гаврилов, со ссылкой на связь данного права с правом на обнародование, считает, что право на отзыв наследованию подлежит [3, с. 8-9]. Напротив, К.Ю. Рождественская писала, что право на отзыв принадлежит только автору, так как предполагает возможность реализации только им. Автор также может оставить завещательное распоряжение о том, как данное право должно быть реализовано [16, с. 13]. Поэтому, вопрос о выходе из данной проблемы до сих пор обсуждается учеными и зависит от подхода к классификации отдельных личных неимущественных прав.

Также надобно отметить норму п.3 ст. 1263 ГК РФ, что закрепляет наследование права на обнародование произведения совместно с исключительным правом на такое произведение. При этом в законе нет чёткого запрета либо разрешения для наследника на обнародование произведения, отозванного автором при своей жизни. Пресловутый п.3 ст. 1263 ГК РФ содержит указание на необходимость непротиворечия действий наследника воле автора, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном) относительно обнародования произведения. Если автор отозвал произведение, должно ли наследнику считать это однозначным запретом на обнародование данного произведения после смерти автора? И если это определенно выраженный запрет, то какая ответственность налагается на наследника, обнародовавшего произведение наперекор воле автора [7, с. 3]? Фактически, такой ответственности нет, потому автору придётся полагаться только на сознательность наследника при исполнении завещания данного автора.

Должно отметить предусмотренный п.3 ст. 1112 ГК РФ запрет на наследование личных неимущественных прав [5]. При этом в ГК РФ существуют положения, которые в сочетании с данной нормой вызывают коллизии. Например, п.3 ст. 1293 ГК РФ устанавливает неотчуждаемость права следования, при этом разрешающую его переход наследству, несмотря на имущественную природу данного права. Таким образом, данное право может наследоваться,

несмотря на вышеуказанный запрет [20, с. 4], хотя оно и считается личным неимущественным правом. Можно было бы отметить его особую природу, связанную с правом автора на процентные отчисления в свою пользу от продажи оригинала картины, а также то, что оно не является в полной степени личным неимущественным правом. Однако это противоречит содержанию нормы ст. 1293 ГК РФ, а её текст норме п.3 ст. 1112 ГК РФ, поему предлагается нужным либо изменить классификацию данного права, приписав его к исключительному праву, либо запретить переход его по наследству.

Таким образом, отдельные личные неимущественные права не подходят под отведенные им категории, часто сочетают в себе характеристики имущественных или личных неимущественных прав, и переход каждого из них по наследству регулируется отдельными нормами Гражданского кодекса [23, с. 4]. А нормы части 4 ГК РФ в свою очередь не всегда согласованы с положениями других частей его, что вызывает вопросы относительно единства позиции законодателя по вопросу наследования данных прав.

К вышеописанному нужно добавить, что ряд ученых цивилистов, вроде О.С. Иофее, Б.Б. Черепахина считали, что исключительное право тесно связано с личными неимущественными правами, потому эти права не могут быть разделены с исключительным правом на произведение, и они подлежат наследованию, пусть даже в законодательстве это прямо не указано. При этом отдельные авторы, вроде В.В. Косникова, указывали на то, что личные неимущественные права автора тесно связаны с его личностью и не переходят по наследству, но могут возникать у наследников в силу наследственного преемства исключительного права на произведение [8, с. 10-11]. Он также отмечал, что к наследнику переходят не сами личные неимущественные права в указанных законом случаях, а возможность их защищать. Сами же эти права остаются связанными с личностью автора произведения.

В дополнение к этому следует отметить, что схожая ситуация наблюдается с правом автора и исполнителя на вознаграждение за служебное музыкальное произведение или исполнение, предусмотренное п.3 ст. 1295 ГК РФ и ст. 1320 ГК РФ. Несмотря на свою имущественную природу и отсутствие ярко выраженного личного характера, оно является неотчуждаемым и не переходит по наследству. Н.В. Иванов считает данный запрет ограничением свободы договора и отмечает, что вышеуказанная норма выглядит странно в сочетании с противоположными ей по смыслу нормами ст. 1370, 1430 и 1461 ГК РФ. [6, ст. 234]. Исходя из всего вышеперечисленного, полагается думать, что у законодателя отсутствует единая позиция по данному вопросу. Возможно, это связано с разным временем разработки и вступления в силу отдельных частей Гражданского кодекса, оттого более старые его положения не были согласованы с новыми, порождая коллизии либо же пробелы.

Часть из таковых пробелов в законодательстве призваны закрыть разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. N 9 "О судебной практике по делам о наследовании", но и в нём наблюдается неточности. Право на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений исключительно в

личных целях (ст. 1245 ГК РФ), которое, как указал Пленум, переходит к наследникам авторов, но в то же время отделено от прав, входящих в состав наследства. При этом данное право является по своей сути иным интеллектуальным правом, имеющим имущественный характер, если исходить из указанного в п. 84 данного постановления [18, с. 3-4]. Поэтому не нужно забывать, что разъяснения Верховного суда не должны подменять собой существующее законодательство, чего нельзя сказать о данном постановлении, пункты которого довольно близко подходят иногда к нормотворчеству.

Таким образом, в законодательстве отсутствует единый подход к определению возможности наследования тех или иных прав, это выражается в том, что нормы просто противоречат сами себе, когда одно право может наследоваться, а другое, подобное ему по своей природе, не может.

Думается, что в части 3 ГК РФ не хватает нормы, которая бы чётко определяла возможность перехода каждого из прав автора в порядке наследования.

Что касается регулирования иных отношений, стоящих на пересечении норм семейного и гражданского права, нужно отметить, что порой оба супруга являются соавторами одного произведения, чем усложняется ряд отношений, с ним связанных, вроде распоряжения данным произведением. Ст. 1258 ГК РФ закрепляет понятие соавторства и его основное условие – совместный творческий труд. Данное условие разъясняется дополнительно в п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации", где также указывается на необходимость соглашения между соавторами, которое может быть достигнуто, в том числе и устно. Нужно отметить, что в ситуации соавторства, в зависимости от формы произведения существуют разные подходы к использованию произведения [12].

Ранее указанная статья устанавливает совместный порядок использования произведения, если иное не предусмотрено соглашением между авторами. Часть произведения, имеющая самостоятельное значение, может быть использована автором по своему усмотрению. Если произведение образует неразрывное целое, ни один из соавторов не вправе без достаточных оснований запретить использование такого произведения [4, с. 4-5]. Однако законодательно в той же статье 1258 ГК РФ отсутствуют порядок достижения взаимного согласия на использование произведения и критерии достаточности запрета использования произведения. Также не существует и указаний на способы получения данного согласия в судебном порядке. Хотя ст. 1258 ГК РФ закрепляет различие в распоряжении разными видами произведений в зависимости от признака их делимости, в ней не содержится указания на форму и порядок получения соглашения на совместное использование. Подобным образом она не содержит критерия достаточности оснований для запрета его использования, что в сумме делает эту норму сильно зависящей от толкования судьями, если соавторы разрешают свой спор с помощью суда.

Что касается принадлежности исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный в период брака, то таковое, согласно

п.3 ст. 36 СК РФ и п. 2 ст. 256 принадлежит автору такого результата. Статьей же 35 СК РФ в п. 2 установлено, что: «к имуществу, нажитому супругами во время брака (к общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие» [19].

Потому, в случае расторжения брака исключительные права разделу не подлежат, разделяются только доходы, которые согласно абзацу 2 пункта 3 статьи 1229 ГК РФ доходы от совместного использования произведения, созданного в соавторстве, должны распределяться между соавторами (их правопреемниками) поровну, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

В Определении Конституционного суда от 24 апреля 2018 года N 994-О, где он не подтверждает применение п.2 ст. 35 СК РФ, но указал на то, что совместное распоряжение результатом интеллектуальной деятельности соавторами предполагается в силу пункта 3 статьи 1229. Потому, данные отношения будут регулироваться нормами ГК РФ, не СК РФ [10]. Доходы от использования результата интеллектуальной собственности будут распределяться в равных долях между правообладателями. И таковые доходы будут признаваться общим имуществом, потому что, если соавторство является делимым и часть объекта была использована одним из супругов самостоятельно, то при разделе в качестве общего имущества подлежат также доходы от такого использования. Надобно отметить, что в законодательстве существует перечень случаев, например, ст. 1245 ГК РФ и п.3 ст. 1263 ГК РФ, когда у автора наличествует исключительное право на вознаграждение за какой-либо вид использования результата интеллектуальной деятельности. При этом данное вознаграждение будет считаться его личным имуществом, что противоречит п.2 ст. 35 СК РФ. Полагается возможным думать, что по общему правилу пп.4 п.2 ст. 256 ГК РФ и пресловутого п.2 ст. 35 СК РФ данное вознаграждение будет считаться совместно нажитым.

Вышеуказанные измышления подкрепляются судебной практикой, например, в данном решении симоновского городского суда [15, с.3-5] истец, при разделе совместно нажитого имущества, также выдвинул требование о передачи половины права собственности на исключительные права на ряд товарных знаков. Суд посчитал, что требование обосновано, так как права на данные знаки были зарегистрированы в период брака, потому удовлетворил данное требование. Однако суд апелляционной инстанции [1, с. 5-6] со ссылкой на п. 4 ст. 256 ГК РФ и п. 3 ст. 36 СК РФ отменил решение суда первой инстанции и вынес новое, отказав в разделе права собственности на вышеуказанное исключительное право. По мнению суда, оно принадлежало ответчику и не входило в общее имущество супругов.

Необходимо, однако, отметить, что данный вопрос является дискуссионным. В частности, ученые спорят о том, влияет ли время получения доходов от использования результатов интеллектуальной деятельности на их принадлежность к совместно нажитому имуществу или нет, так как данные доходы могли быть получены во время брака или до его заключения. Преобладающим на данный момент мнением является признающее включение в состав общего имущества супругов право на вышеуказанные доходы независимо времени создания самого объекта интеллектуальной собственности [9, с. 7-8].

К похожему выводу пришел Суд по интеллектуальным правам [13, с. 6-8], выступая в качестве кассационной инстанции в деле о незаконном использовании товарного знака. Истцом и ответчиком после расторжения брака был произведен раздел имущества, в том числе и бизнеса. Суды первой и апелляционной инстанций посчитали, что между истцами раздел исключительного права на товарный знак произведено не было, потому ответчик имел право использовать данный товарный знак. По материалам дела выяснилось, что исключительное право на данный товарный знак принадлежало истцу и не являлось совместно нажитым имуществом супругов, потому разделу не подлежало. Суд кассационной инстанции отменил постановления судов предыдущих инстанций по данному делу и постановил отправить его на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Как выше было указано, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, согласно п.3 ст. 36 СК РФ, принадлежит автору данного результата. Однако при нахождении в браке супруг-автор может в той или иной мере задействовать доходы или имущество семьи для создания такого результата, не говоря уже о затратах на его правовую охрану и т.д. Законодательно данный вопрос никак не урегулирован. Отдельные ученые, например, Расторгуева А.А., предлагают свои варианты разрешения данного вопроса [14, с. 14], предоставить другому супругу часть доходов, извлекаемых от использования такого результата или распоряжения исключительным правом на него, в том числе в случае прекращения брака, но без права разрешения или запрещения использования такого результата.

Предоставлять право предлагается супругу в том случае, если для создания результата интеллектуальной деятельности и для иных действий с ним связанных, вроде получения и поддержания его правовой охраны, потребовались значительные затраты денежных и иных средств, не являющихся личной собственностью супруга-автора.

При этом нужно иметь в виду, что не всегда будет достигаться разумное соотношение между затраченными на создание результата средствами и доходами, которые будут получаться за его использование. В некоторых случаях доходы будут много больше расходов, в иных случаях доходы будут слишком малы по сравнению с затратами. Потому, в предложении вышеуказанном по дополнению законодательства также нужно учесть и данную особенность [17, с.3]. А потому полагается думать, что такое предложение не является подобающим разрешением данного вопроса, так как во многом опирается на оценочные критерии, что в силу срока действия исключительного права и,

например, обязанностей по защите его у обладателя может вызвать дополнительные затруднения у другого супруга, особенно если у него нет достаточных материальных возможностей для исполнения этого.

Дополнительно хотелось бы отметить недостатки гражданского законодательства, связанные с определением стоимости наследуемого имущества на день открытия наследства. Ст. 1114 ГК РФ и в постановлении пленума ВС РФ №9 от 29 мая 2012 г. N 9 установлено: «что при установлении места открытия наследства ценность имущества определяется исходя из его рыночной стоимости на момент открытия наследства» [11]. Для отдельных результатов интеллектуальной деятельности, вроде изобретений, промышленных образцов и полезных моделей предусмотрена пошлина за совершение с ними нотариальных действий, как указано ст. 333.24 НК РФ [22], если они были запатентованы с оценкой стоимости такого патента [21, с. 6].

Однако остаётся открытым вопрос оценки стоимости исключительных прав на иные результаты интеллектуальной собственности, например, на произведения искусства. Срок действия исключительных прав на них составляет 70 лет после смерти автора, потому сложно оценить потенциальные доходы от использования данных исключительных прав на день открытия наследства. Например, на изобретение срок действия исключительного права составляет 20 лет, следовательно, сложно будет оценить стоимость исключительного права в должной мере. Кроме того, нужно учитывать наличие лицензионных договоров на данный результат интеллектуальной деятельности, выплата по которому, в соответствии с абз. 3 п. 5 ст. 1235 ГК РФ может быть предусмотрена в форме фиксированных разовых или периодических платежей, процентных отчислений от дохода (выручки) либо в иной форме. Соответственно, если на день открытия наследства срок действия данного договора ещё не истёк, то в стоимость наследства включается невыплаченное вознаграждение по данному договору, как писал Березин Д.А [2, с. 6-7].

Как можно видеть из всего вышеперечисленного, законодательство до сих пор содержит большое количество пробелов или несогласованных норм, отчего при регулировании отношений, особенно стоящих на пересечении гражданского и семейного права, возникает масса сложностей. Например, не всегда понятно, какой именно нормой необходимо руководствоваться при разрешении тех или иных отношений, либо же текущее законодательство их вовсе не предусматривает. Например, в случае создания результата интеллектуальной деятельности за счёт общего имущества супругов, тогда как исключительное право на данный результат будет принадлежать только супругу автору, а соответственно и доходы.

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28 августа 2019 года по делу № 33-30809\19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/civil/details/3179e116-c329-42b5-8c4b-65628900e174> (дата обращения:)
2. Березин Д.А. Стоимость исключительных прав в составе наследства // Наследственное право. 2018. N 3. С. 34 – 37

3. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Издательство Юрсервитум, 2016. 156 с
4. Галуева Ю.В. Супруги-соавторы. Особенности правового статуса // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N 10. С. 62 - 70.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) часть четвертая от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ (ред. 7 октября 2022 г.) // Справочно-правовая система «Гарант» URL: <http://study.garant.ru/#/document/10164072> (дата обращения 15.11.22)
6. Иванов Н.В. Авторские и смежные права в музыке: монография/ под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2021. – 328 с.
7. Коробейников Т.С. Правомочия наследников в отношении личных неимущественных прав автора, входящих в состав наследства//Балтийский гуманитарный журнал г.2021 т. 10. №2
8. Косников В.В. Наследование интеллектуальных прав:автореф. Дис... канд. Юр. Наук. Саратов, 2017. 27 с.
9. Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е. Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2016. N 11 (Приложение). С. 3 - 48.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Артемова Сергея Алексеевича и Артемовой Ирины Витальевны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 ст. 1240, п. 1 ст. 1258, п. 7 ст. 1260, ст. 1285 ГК РФ и п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2018 года N 994-О. // Справочно-правовая система «Гарант» URL: <http://study.garant.ru/#/document/71955936> (дата обращения 15.11.22)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 "О судебной практике по делам о наследовании"// Справочно-правовая система Гарант URL: <http://study.garant.ru/#/document/70183406>(дата обращения: 18.10.2022)
12. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации"
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 сентября 2021 г. N C01-1405/2021 по делу N А19-17458/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://study.garant.ru/document/redirect/402832941/0> (дата обращения:)
14. Расторгуева А.А. Права супругов на созданные и приобретенные в период брака объекты интеллектуальных нрав и их материальные носители Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2018. с. 24.
15. Решение симоновского районного суда города Москвы от 18.09.2018 по делу № 2-223/18 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mosgorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/civil/details/3179e116-c329-42b5-8c4b-65628900e174> (дата обращения:)
16. Рождественская К.Ю. Особенности наследования авторских прав. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2013. с. 27.
17. Рузакова О.А. Проблемы определения правового режима супругов в отношении средств индивидуализации // Семейное и жилищное право. 2022. N 3. С. 13 - 15.
18. Рязанова В.В. Некоторые вопросы наследования неисключительных авторских прав // Наследственное право. 2017. N 4. С. 29 - 33.
19. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (СК РФ) ред. (От 15.08.22) Справочно-правовая система «Гарант» URL: <http://study.garant.ru/#/document/10105807> (дата обращения 20.11.22)
20. Углицких Д.В. Актуальные проблемы наследования неисключительных авторских прав // Наследственное право. 2019. N 4. С. 37 - 39.
21. Царёва А.Е. К вопросу о наследовании исключительных прав в условиях цифрового развития // Гражданское право. 2021. N 5. С. 34 - 37.

22. Часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (ред. 01.12.2022) // Справочно-правовая система «Гарант» URL: <http://study.garant.ru/#/document/10164072> (дата обращения 15.11.22)

23. Шостак И.В. Проблемы классификации интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. N 12. С. 31 - 38.

Об авторе:

Баютин Павел Игоревич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).
адрес электронной почты: bayutin-tver@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ОТМЕНЕ ОГРАНИЧЕНИЙ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ

Э.Ю. Бозова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рассматриваются примеры судебной практики по делам о восстановлении родительских прав, дан анализ судебных актов. Рассмотрены некоторые барьеры, препятствующие родителям в восстановлении родительских прав, предложен вариант оказания бесплатной юридической помощи кровным родителям и приёмным семьям.

Ключевые слова: *восстановление родительских прав, родители, дети, опекуны, органы опеки и попечительства.*

На одном из информационных сайтах <https://www.vedomosti.ru/> содержатся статистические данные по нашей стране за период с 2019 по 2021 год. Так, за 2021 год число детей, родители которых были лишены родительских прав составило 32 684, и только 950 родителей восстановили свои родительские права. Число родителей, чьи права были ограничены за 2021 год составило около 7500 человек, при этом отмена ограничения осуществлена только в отношении 725 человек [7].

Выше представленные статистические данные свидетельствуют о том, что восстановление родительских прав осуществляется менее чем в 10 % случаев (9,6%). Необходимо рассмотреть некоторые примеры судебной практике, чтобы попытаться ответить на вопрос о том, существуют ли какие-либо барьеры, препятствующие кровным родителям в восстановлении родительских прав.

Хотелось бы проанализировать два судебных решения, одно из которых было постановлено судом Тверской области. В 2020 году районным судом Тверской области было вынесено решение об ограничении в родительских правах Ивановой А.И. (мать ребенка) и Викторова С.С. (отец ребенка) в отношении несовершеннолетней Викторовой Е. 2018 г.р. Основаниями послужило: злоупотребление спиртными напитками гр. Ивановой А.И. и психическое расстройство Викторова С.С., в результате чего Викторову Е. опасно оставлять с родителями, в виду возможности создания угрозы для ее жизни и здоровья. В совокупности с указанными обстоятельствами, судом проанализированы: характеристики обоих родителей, материальное положение и жилищные условия, заключение органов опеки и попечительства в регионе проживания.

Спустя 2,5 месяца Викторова Е. 2018 года рождения была передана в приемную семью Антоновой Е.Е. (приемная мать) на воспитание, где и проживает по настоящее время.

За два года нахождения Викторовой Е. 2018 г.р. в приемной семье кровные родители предприняли несколько попыток встреч с ребенком (лишь одна была удачной). Иванова А.И. прошла сеанс запретительной терапии синдрома зависимости от алкоголя и получала поддерживающую терапию. В 2021 была снята с учета, в связи со стойкой ремиссией. Трудоустроилась официально,

проживает в жилом помещении, предоставленном по договору найма, с возможностью проживания с ребенком.

Иванова А.И. и Викторова С.С. обратились в суд с исковым заявлением о восстановлении в родительских правах в отношении своей дочери Викторовой Е., приёмная семья (Антоновой Е.Е.) подали встречное исковое заявление о лишении Ивановой А.И. и Викторова С.С. родительских прав в отношении дочери Викторовой Е.

Согласно п. 1 ст. 72 Семейного кодекса РФ родители (один из них) могут быть восстановлены в родительских правах в случаях, если они изменили поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка [2].

Согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017г. №44 суд может принять решение об отмене ограничения родительских прав и о возвращении ребенка родителям (одному из них), если основания, в силу которых родители (один из них) были ограничены в родительских правах, отпали (например, имеет место изменение в лучшую сторону поведения или образа жизни родителей (одного из них) либо их состояния здоровья) и возвращение ребенка родителям (одному из них) отвечает интересам ребенка [4].

Так, в данном споре судом были исследованы: жилищные условия кровных и приемных родителей, характеризующий материал, материальное состояние и кровных и приемных родителей, проанализированы амбулаторные карты и показания воспитателей и органов опеки и попечительства и в месте проживания ребенка, и по месту проживания кровных и приемных родителей. Районным судом, на основании материалов дела составлен вывод о том, что в связи с недостаточностью общения Ивановой А.И. и Викторова С.С. с их кровной дочерью, их эмоциональная связь фактически утеряна. К тому же, судом установлено, что в настоящее время для Викторовой Е. созданы все условия приемными родителями, для ее комфортного проживания и воспитания, тогда как в семье кровных родителей таких условий нет. В связи с чем, возвращение несовершеннолетнего ребенка - Викторовой Е. ее кровным родителям в настоящее время безусловно противоречит интересам ребенка. В связи с чем, районным судом постановлено решение об отказе удовлетворения и первоначальных, и встречных требований. Решением районного суда ребенок был оставлен в приемной семье, Иванова А.И. и Викторова С.С. в родительских правах не были восстановлены. Так, можно составить вывод о том, что кровные родители хоть и желали вернуть ребенка не смогли создать все необходимые условия для воссоединения семьи. Из-за низкой правовой грамотности и длительного периода бездействия кровных родителей, ребенка передали на воспитание в приемную семью, кровные родители не смогли воспользоваться возможностью регулярных встреч со своим ребенком и укрепить родительско-детские взаимоотношения.

Рассмотрим еще одно решение районного суда, но уже Республики Саха (Якутия). Так, Носов И.С. (кровный отец) обратился в суд с иском к Макаровой И.С. (опекун) об отмене ограничения родительских прав в отношении своего несовершеннолетнего ребенка Носовой Ю. 2018 года рождения. Основанием послужило, что Носов И.С. в настоящее время официально трудоустроился,

регулярно навещает ребенка и приобретает ему необходимые вещи первой необходимости, обеспечивает одеждой, продуктами питания, интересуется жизнью и успехами ребенка в школе, не злоупотребляет спиртными напитками, прошел лечение от алкогольной зависимости у врача нарколога. Имеет в собственности жилое помещение, где имеется комната для ребенка с необходимыми для проживания принадлежностями.

Таким образом, судом было установлено, что после вынесения судом решения об ограничении родительских прав Носов И.С. изменил свое поведение в сторону улучшения, в период нахождения ребенка у опекуна, интересовался его состоянием, часто посещал его, у Носова И.С. имеются все условия для надлежащего воспитания и содержания ребенка и принимая все эти обстоятельства во внимание, суд предоставил Носову И.С. возможность сохранить семью, в связи с тем, что основания, по которому Носов И.С. был ограничен в родительских правах, в настоящее время отпали, и в связи с этим иск подлежал удовлетворению.

Указанными судебными актами, были постановлены противоположные решения. При этом судами в первом и во втором случае анализировались жилищно-бытовые условия, материальное состояние, изменение поведения и отношение кровных родителей к своим детям, заключение органов опеки и попечительства, характеризующий материал в отношении кровных родителей, а так же проанализированы основания, по которым ранее кровные родители были ограничены в родительских правах. Важным для постановки судебного акта являются следующие обстоятельства: интересы ребенка и его мнение (при достижении 10 лет), его психо-эмоциональное состояние, привязанность к кровным родителям или опекунам. Согласно ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы [3]. При этом, хотелось бы отметить, что причиной ограничения родительских прав и в первом и во втором случае являлось злоупотребление спиртными напитками кровными родителями. И в первом и во втором случае, кровные родители стали на путь исправления и прошли необходимое лечение от алкогольной зависимости, в связи с чем были сняты со спец. учета, трудоустроились и хотели восстановить свою семью, в связи с чем и предъявили иски об отмене ограничения родительских прав. В первом случае, органы опеки и попечительства, были против возвращения ребенка кровным родителям, так как, по их мнению, кровные родители Иванова и Викторова, хоть и создали минимальные условия для ребенка, но условия, созданные в приемной семье, в большей мере отвечает интересам несовершеннолетнего ребенка. В данной ситуации суд, не может не учитывать позицию контролирующего органа, так как именно органы опеки и попечительства обследуют жилищные условия и дают свое заключение по данной категории дел. Осложнена данная ситуация тем, что несовершеннолетний ребенок был передан в приемную семью, и длительный период уже проживает с приемными родителями. Из-за ряда обстоятельств (которые так же были предметом рассмотрения в суде) кровные родители смогли

увидеть своего ребенка лишь единожды. И конечно, за столь длительное время ребенок хоть и вспомнил своих кровных родителей, проявил большую привязанность к приемной семье.

При рассмотрении указанной категории споров необходимо в обязательном порядке проанализировать не только эмоциональную связь ребенка и родителей, и опекунов, но и характер их взаимоотношений. При этом необходимо привлечение компетентных специалистов. При установлении тех или иных обстоятельств, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. В этих целях судами, в частности, должны быть назначены судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические) [5].

Органы опеки и попечительства, сотрудники школьных и дошкольных образований, имеют большой опыт в участии по делам о лишении или ограничении, восстановлении в родительских правах. Однако, вопросы утраты родительско-детских взаимоотношений или потери эмоциональной связи с одним или обоими родителями является ключевым при разрешении вопроса о возможности восстановления родительских прав, и без профессионального подхода медицинских организаций, составить выводы по данной категории дел затруднительно.

Бессчетнова О.В. называет объективные барьеры, препятствующие родителям восстановить опеку над кровными детьми, среди которых: низкая правовая грамотность, недостаток знаний о механизмах работы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, отсутствие независимой негосударственной структуры, оказывающей родителям помощь в восстановлении их прав, а так же низкий уровень выявления семейного неблагополучия [6]. С выводами автора нельзя не согласиться, так как в обоих представленных судебных решениях кровные родители имели низкую правовую грамотность. Автор предлагает создать негосударственную структуру, которая была бы компетентна оказывать родителям помощь в восстановлении родительских прав. На наш взгляд, подобная структура уже существует и это адвокатские образования и адвокаты, которые принимают участие в программе бесплатной юридической помощи, в том числе возможно привлечение адвокатов по назначению при рассмотрении дел на стадии судебного разбирательства.

Так же, Бессчетновой О.В. в вышеуказанной статье предложен ряд рекомендаций, способствующих увеличению случаев возврата детей в семьи к биологическим родителям, а именно: проведение реабилитационной работы с родителями, в том числе лишенными/ограниченными в родительских правах, оказание комплексной социальной помощи с целью воссоединения ребенка с семьей, а также социальное сопровождение восстановленной семьи в

постадаптационном периоде. Рекомендации автора, детально затрагивают непроработанный до настоящего момента механизм, государственного содействия в виде создания реабилитационных центров, центров социальной помощи определённым группам населения. Указанные предложения смогли бы повлиять на плачевную статистику, существующую в настоящее время.

В Декларации прав ребенка закреплено, ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью. На обществе и на органах публичной власти должна лежать обязанность осуществлять особую заботу о детях, не имеющих семьи, и о детях, не имеющих достаточных средств к существованию [1].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что восстановление в родительских правах имеет своей первоочередной целью защиту прав ребенка, обеспечение возможности жить и воспитываться в родной семье. В связи с этим, в каждом конкретном случае, необходимы выявление индивидуальных потребностей ребенка и особенностей семьи в которой ребенок находился. Необходимы меры социальной защиты и реабилитационная работа не только ребенку, но и кровным родителям, которые хотят восстановить свои родительские права и встали на путь исправления.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка//Российской газеты. 1995.№11.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 01 января 1996 г. № 1.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. , №46.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348/review>
5. Обзор судебной практики верховного суда Российской Федерации №4 (2015) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/
6. Бессчетнова О.В. Детско-родительские отношения в восстановленной биологической семье// Социальные исследования и безопасность.2018.№3.С.206-213
7. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/05/31/924551-roditelei-lishennih-prav>

Об авторе:

БОЗОВА Эллада Юрьевна – аспирант ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г.Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: e-bozova@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ (НАСЛЕДНИКОВ) АВТОРА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Е.Н. Галахов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье анализируются положения действующего законодательства, которые посвящены защите авторских прав в РФ. Раскрыты способы приобретения исключительных прав на произведения литературы членами семьи (наследниками) автора, а также способы защиты исключительных прав на произведения литературы. В статье рассмотрены проблемы, возникающие на практике при осуществлении защиты исключительных прав на литературное произведение членами семьи (наследниками) автора. А также сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: защита авторских прав; исключительные права на результат интеллектуальной деятельности.

Вопросы защиты авторских прав всегда были и остаются под пристальным вниманием ученых. Под защитой авторских прав на произведения литературы следует понимать субъективное право, включающие в себя предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание авторских прав на произведения литературы и защиту интересов при их нарушении или оспаривании [8, с. 542; 9, с.497; 6, с. 497].

Особенностью приобретения исключительных прав на произведения литературы членами семьи автора заключается в том, что перечень оснований, по которым названные ранее права на литературное произведение переходят к родственникам автора, делится на способы приобретения прав, связанные с внесением творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности и не связанные с внесением творческого вклада.

К способам приобретения исключительных прав путем внесения творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности можно отнести:

1) Соавторство, т.е. совместное создание литературного произведения автором и членом его семьи (наследником), в данном случае наследник или представитель семьи автора приобретает исключительные авторские права при условии, что его вклад имел творческий характер, а не технический [1, ст.1258; 12].

2) Перевод или иная переработка произведения, т.е. создание произведения, например, путем творческой замены слов, которая представляет собой художественную обработку первоначального варианта литературного произведения выражающиеся в переводе его на иностранный язык [4, с. 17; 7, с. 127-132]. Простой дословный механический перевод произведения без художественной обработки не признается объектом авторского права, что подтверждается судебной практикой [15, 16].

К способам приобретения исключительных прав на произведения литературы не связанных с внесением создание объекта авторского права творческого вклада относятся:

1) Посредством передачи результата интеллектуальной деятельности другому лицу по договору об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, т.е. передача автором произведения литературы лицу, заинтересованному в получении исключительных прав на произведение, правомочий по воспроизведению, распространению произведения, публичный показ, импорт оригинала или экземпляров произведения в целях распространения, прокат оригинала или экземпляра произведения, публичное исполнение, сообщение в эфир, сообщение по кабелю, ретрансляция, перевод или другая переработка произведения, доведение произведения до всеобщего сведения [1, ст.ст.1233, 1258].

2) Путем наследования исключительных прав на произведения. «Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом наследодателя, включается в состав наследства без подтверждения какими-либо документами, за исключением случаев, когда названное право признается и охраняется при условии государственной регистрации такого результата. Исключительные права переходят к наследникам только в пределах оставшейся части срока их действия, продолжительность которого устанавливается ГК РФ, а по истечении соответствующего срока результаты интеллектуальной деятельности переходят в общественное достояние и могут свободно использоваться в соответствии с ГК РФ любым лицом без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения» [5; 1, ст.ст.1281, 1283; 11, п. 86]. Также, как и в первом случае наследника автора переходят все правомочия, предусмотренные п.2 ст. 1270 ч.4 ГК РФ.

Особенностью указанных выше способов приобретения прав на произведения литературы членами семьи (наследниками) автора результата интеллектуальной деятельности является то, что они распространяются только на исключительные права, личные неимущественные права автора неотчуждаемы [2, п.1.1.1]. В качестве исключения наследникам автора переходит право на защиту авторства и право на неприкосновенность произведения.

На практике применение данных способов приобретения исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности осложнено тем, что после смерти автора произведения членам семьи (наследникам) тяжело доказать факт родства с создателем объекта авторского права. Это вызвано тем, что, например, в органах ЗАГС Российской Федерации отсутствуют актовые записи в отношении автора произведения и членов его семьи, исходя из чего потенциальные наследники исключительных прав вынуждены доказывать свое родство с автором иными способами. Например, в рамках рассмотрения гражданского дела лица, претендующие на исключительные права автора, могут представить на обозрение суда подлинник литературного произведения, выписку из организаций осуществляющих регистрацию объектов авторского права, подлинник или копию договора авторского заказа [14, 19, 18, 17]. Однако, это лишь минимальные меры, направленные на доказывание факта родства с автором, что в свою очередь не может служить полноценным основанием для

удовлетворения судом требования о переходе исключительных прав по наследству. Вышеуказанная проблема является не единственной, на практике широкое распространение имеют случаи, когда родство лиц, претендующих на исключительные права автора, подтверждено, но суды отказывают в удовлетворении требований о переходе данных прав в связи с тем, что родство само по себе не дает оснований для перехода исключительных прав в рамках универсального правопреемства [13, 14].

Автор результата интеллектуальной деятельности может при жизни доверить защиту произведения определенному физическому лицу, поэтому во избежание проблем, связанных с подтверждением родства с автором, создатель литературного произведения и лицо, являющиеся его родственником, могут документально оформить правомочия родственника на защиту результата интеллектуальной деятельности после смерти автора произведения литературы.

Особенностью применения гражданско-правовых способов защиты авторских прав является то, что они делятся на общие и специальные.

К общим способам защиты относятся перечисленные в ст.12 ГК РФ. Учитывая специфичный характер авторских правоотношений такие способы как: признание недействительным акта государственного органа местного самоуправления; взыскание неустойки, не применяются, т.к. деятельность государственных органов мало связана с творческой деятельностью либо применение соответствующих способов должно быть предусмотрено договором [10, с. 238-241]. Поэтому в качестве общих способов защиты нарушенных прав можно привести: признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожных сделок; самозащита права; присуждение к исполнению обязанности в натуре; прекращение или изменения правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

К специальным способам защиты относятся перечисленные в статьях 1251 и 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации, учитывая то, что члены семьи (наследники) автора литературного произведения могут распоряжаться только исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности, родственники создателя литературного произведения могут использовать такие способы защиты как: признание права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; публикация решения суда о допущенном нарушении (с указанием действительного правообладателя); возмещение убытков; изъятие материального носителя с контрафактными произведениями; уничтожение материального носителя с контрафактными копиями произведения литературы; выплата компенсации за нарушение исключительного права; ликвидация юридического лица и прекращение деятельности индивидуального предпринимателя в связи с нарушением исключительных прав.

К сожалению, нельзя с уверенностью назвать общие и специальные способы защиты настолько эффективными. В особенности в условиях сегодняшнего дня, научно-технический прогресс имеет как плюсы, так и свои минусы. В особенности, хотелось бы акцентировать внимание на произведения литературы,

распространенные в сети «Интернет». Большим минусом является то, что любое литературное произведение можно перевести в электронно-цифровой формат, которое впоследствии, могут просматриваться и использоваться неограниченным числом пользователей. Исходя из этого, возникают проблемы, связанные с незаконным использованием произведений литературы, во «всемирной паутине» и вне нее. Учитывая то, что бремя доказывания совершения в отношении объекта интеллектуальной собственности (средства индивидуальности) и поиск нарушителей (причинителей вреда) авторских прав лежит на авторе, реализация права на защиту последнего сводится к нулю. К сожалению, даже если автор (заинтересованное лицо) найдет в сети «Интернет» нарушителя авторских прав вероятность доказывания его вины будет не велика, т.к. пользователя можно вычислить по IP-адресу, который может иметь несколько пользователей. Поэтому совпадение IP-адреса и даже наличие нелегального контента на пользовательском устройстве не всегда будет судом или иными правоохранительными органами признано как бесспорное доказательство вины, нарушитель всегда может сказать, что в отношении него были совершены противоправные действия и поэтому его IP-адрес был противоправно использован [3, с.54].

Таким образом, под защитой авторских прав на произведения литературы следует понимать субъективное право, включающие в себя предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание авторских прав на произведения литературы и защиту интересов при их нарушении или оспаривании. Основания приобретения исключительных прав на произведения литературы членами семьи (наследниками) автора литературы делятся на способы приобретения прав, связанные внесением творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности и не связанные с внесением творческого вклада. Защита прав и интересов членов семьи (наследников) автора литературного произведения осложнена ввиду того, что членам семьи (наследникам) автора необходимо доказать факт родства с создателем литературного произведения, а также в связи с проблемами, связанными с охраной и защитой произведения литературы во всемирной сети «Интернет». Представляется для усиления механизма защиты авторских прав предусмотреть порядок регистрации произведений литературы, аналогичный с регистрацией программ для ЭВМ (ст. 1262 ГК РФ).

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230 –ФЗ // URL: СПС «КонсультантПлюс».
2. «Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов» (утв. Росархивом) // URL: СПС «КонсультантПлюс».
3. Ведищева Н.В. Способы защиты авторских прав в условиях информатизированного общества // Юридический факт. 2019. №41. 52 – 55 с.
4. Иоффе О.С. Основы авторского права. Авторское, изобретательское право, право на открытие: учебное пособие. – М.: Знание. 1969. 127 с.

5. Крашенинников П.В. Наследственное права. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://be5.biz/pravo/n003/16.html>.

6. Лаврова С.В. Защита и охрана гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы. Материалы XII очной международной научно-практической конференции. 2018. 496-504 с.

7. Сергеев А.П. Авторское право России. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1994. 311 с.

8. Сергеев А.П. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.1. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Проспект. 2020. 1040 с.

9. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т.1. 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Изд-во Статут. 2019. 576 с.

10. Хохлов В.А. Авторское право: Законодательство, теория, практика – М.: Изд-во Городец, 2008. 288 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практики по делам о наследовании» (п.86) // URL: СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: СПС «КонсультантПлюс».

13. Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 09.04.2019 по делу 2-1140/19 // <https://mos-gorsud.ru>.

14. Решение Останкинского районного суда города Москвы от 12.04.2019 по делу № № 2-452/19 // URL: <https://mos-gorsud.ru>.

15. Решение Пресненского районного суда города Москвы от 30.09.2021 по делу № 2-5572/2021 // URL: <https://mos-gorsud.ru>.

16. Решение Мещанского районного суда города Москвы от 26.10.2021 по делу № 2-8929/2021 // URL: <https://mos-gorsud.ru>.

17. Решение Калининского районного суда Тверской области от 09.11.2021 по делу № 2-1851/2021 // URL: <https://sudrf.ru/>.

18. Решение Калининского районного суда Тверской области от 28.06.2022 по делу № 2-1018/2022 // URL: <https://sudrf.ru/>.

19. Решение Калининского районного суда Тверской области от 25.07.2022 по делу № 2-1304/2022 // URL: <https://sudrf.ru/>.

Об авторе:

ГАЛАХОВ Егор Николаевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ДЕЛ ПО ЛИШЕНИЮ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Д.А. Гришанов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В данной статье автор исследует роль прокурора в процессе рассмотрения судами гражданских дел по лишению родительских прав. Особое внимание уделяется формам участия прокурора в процессе разрешения таких дела, а также проблемам, возникающим на практике.

***Ключевые слова:** семейное право, лишение родительских прав, дети, гражданский процесс, участие прокурора в гражданском процессе, прокурор.*

В 2020 году Конституция Российской Федерации [1] была дополнена ст. 67.1 [2], в ч. 4 которой установлено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Вместе с тем, нормальное развитие и социализация ребенка должна происходить в семье – с родителями.

Однако что делать, если сами родители препятствуют развитию ребенка своим аморальным или даже опасным поведением? В подобных случаях государство, осознавая приоритет физического и психического здоровья несовершеннолетнего, а также необходимость осуществления его развития в функционального члена общества, должно вмешаться в семейно-правовые отношения родителей и ребенка, дабы защитить его интересы. Среди таких механизмов особенно выделяется лишение родительских прав как наиболее эффективный метод воздействия на нефункциональную семью, поскольку позволяет вывести ребенка из сферы вреда, которую создают его родители своим аморальным или противоправным поведением.

Лишение родительских прав является наиболее строгой мерой государственного вмешательства в семейно-правовые отношения, сложившиеся между родителями и ребенком, и применяется лишь в крайних случаях, когда продолжение осуществления родительских прав приведет к причинению необратимого вреда здоровью, развитию и психике ребенка.

Так, согласно ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации [3] (далее – СК РФ), родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они:

– уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;

– отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций;

- злоупотребляют своими родительскими правами;
- жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность;
- являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией;
- совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Из данных оснований усматривается, что даже в случае наличия одной из этих форм поведения родителя по отношению к ребенку дальнейшее осуществление таким родителем родительских прав будет противоречить фундаментальным началам семейного права: принципа семейного воспитания детей; принципа заботы об их благосостоянии и развитии, а также принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. При этом, Обязательными условиями лишения родительских прав являются наличие вины родителя (родителей) и невозможность изменения поведения родителей (одного из них) в лучшую сторону. Вина родителей означает, что их недостойное поведение по отношению к ребенку является осознанным и умышленным. Если они не в силах контролировать свое поведение вследствие болезни, то по общему правилу они не будут лишены родительских прав. В таком случае применяется ограничение родительских прав.

В соответствии с п. 1 ст. 70 СК РФ, лишение родительских прав производится в судебном порядке. Дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц, их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и других).

Вместе с тем, дела о лишении родительских прав обязательно рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства. Именно в этом проявляется социальная функция прокуратуры – защита прав и охраняемых законом интересов тех лиц, которые не могут осуществить их самостоятельно. Особенную важность эта функция приобретает в том случае, если вопрос лишения родительских прав касается обоих родителей или единственного родителя, ввиду чего ребенок остается без законного представителя. В таком случае прокурор может обратиться в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов ребенка и представлять его интересы в процессе.

ч. 3 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ [4] (далее – ГПК РФ) устанавливает, что прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него

полномочий. К таким случаям, в частности, относится участие прокурора в деле о лишении родительских прав при условии того, что он не обращается в суд с заявлением о лишении родительских прав в защиту ребенка [6, с. 118-121].

Так, можно выделить две формы участия прокурора в деле о лишении родительских прав:

– обращение с заявлением о лишении родительских прав в защиту несовершеннолетнего;

– дача заключения в рамках дела о лишении родительских прав.

Статистика применения этой меры неутешительна. Согласно информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2019 год было рассмотрено 39,815 дел о лишении родительских прав, из которых 512 – по обращению прокуроров; за 2020 – 32,146 и 394 соответственно; за 2021 – 35,576 и 397; в первом полугодии 2022 - 4,231 и 197 [7]. Так, можно усмотреть общую стабильную тенденцию о том, что прокуроры, пусть и не очень часто, обращаются в суд с заявлениями о лишении родительских прав. Однако в доступной судебной практике подобные примеры встречаются редко и по своей сути являются ошибками судов, поскольку в силу п. 2) ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [5] не подлежат размещению в сети «Интернет» тексты судебных актов, вынесенных по делам возникающим из семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних.

Однако, в свободном доступе все же имеются некоторые судебные акты, которые будут проанализированы далее. Исследуем Решение Березовского районного суда ХМАО-Югры от 3 февраля 2020 г. по делу № 2–31/2020 [9], в соответствии с которым истец обратилась в суд с иском к ответчику о лишении родительских прав в отношении несовершеннолетнего сына. В обоснование иска истец указала, что состояла в зарегистрированном браке с ответчиком, в период брака у них родился сын. Брак между истцом и ответчиком расторгнут. Ответчик длительное время ненадлежащим образом осуществляет родительские права, не заботится о воспитании и развитии ребенка, не осуществляет заботу о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Это выражается в том, что после расторжения брака ответчик с ребенком не виделся, ни разу сына не навещал.

При этом, прокурор, участвуя в процессе для дачи заключения по, оценив в совокупности представленные доказательства сторонами, пришел к выводу о том, что исковые требования не подлежат удовлетворению, в связи с тем, что истцом не предоставлены ни характеристики, ни какие-либо иные доказательства, являющиеся основанием для лишения родительских прав ответчика.

Другой проблемой является отсутствие вывода самого прокурора. Например, в решении Чкаловского районного суда Свердловской области от 29 июля 2018 г. по делу № 33–7212/18 [8], по иску о лишении родительских прав в отношении дочери было отказано. При этом участвующий прокурор считает, что

материальные основания для лишения родительских прав имеются, однако процессуальные основания отсутствуют, а также истцом и его представителем не представлено суду достаточной доказательственной базы о необходимости лишения родительских прав, в связи с чем не представляется возможным дать какое-либо заключение по данному иску.

В таком случае прокурор не может при участии в процессе по вопросу лишения родительских прав оставаться в стороне, не представив суду свою собственную позицию о разрешении данного спора. Приведенные выше ситуации демонстрируют, что участие прокурора в делах данной категории дел обесценивается, становится незначимым. Также подобные случаи не реализуют цели и задачи участия прокурора в делах о лишении родительских прав.

В некоторых ситуациях участвующий в деле прокурор выступает против лишения родительских прав вовсе и акцентирует свое внимание на необходимости ограничения в родительских правах, что следует показать на примере решения Березовского районного суда ХМАО-Югры от 28 мая 2020 г. по делу № 2-223/2020 [10] согласно которому мать не обеспечивает самостоятельно своему ребенку комфортные и безопасные условия для жизни, здоровья и воспитания, а учитывая малолетний возраст ребенка, и неспособность обратиться за помощью. Указанные обстоятельства послужили поводом для обращения органа опеки в суд с исковыми требованиями о лишении родительских прав. Однако, помощник прокурора полагает, что в удовлетворении искового требования о лишении родительских прав следует отказать, но имеются основания для ограничения ответчика в родительских правах.

Перечисленные в статье 69 СК РФ основания лишения родителей родительских прав, в частности, уклонение от выполнения родительских обязанностей, не являются безусловными, так как в каждом случае применяются исходя из фактически установленных по делу обстоятельств, свидетельствующих о характере виновных действий и личности родителей (одного из них), их взаимоотношениях с детьми, и во всех случаях – с учетом интересов детей.

Суд отмечает, что в данном случае при формальном наличии таких оснований, с учетом установленных по делу обстоятельств, свидетельствующих о желании ответчика и имеющейся у нее (при определенных условиях в виде изменения своего отношения и поведения к ребенку, улучшения жизненной ситуации) возможности заниматься воспитанием сына, его содержанием, лишение матери родительских прав является нецелесообразным и противоречит интересам несовершеннолетнего.

Таким образом, участие прокурора в процессах по лишению родительских прав является дополнительной гарантией принятия обоснованного решения, основанного на требованиях закона. Прокурор в деле о лишении родительских прав наделен всеми правами иных лиц, присутствующих в процессе. Его независимое мнение формируется на основании объективного и ответственного подхода к разрешению ситуации. На практике нередко случается так, что прокурор в определенной степени поддерживает ответчика. Часто с инициативой

применить ограничение родительских прав вместо их лишения выступает именно представитель прокуратуры.

Подводя итоги, отметим, что участие прокурора по делам о лишении родительских прав является продолжением исполнения социальной функции государства и, в исчерпывающем большинстве случаев, прокурор выступает в данных делах для дачи заключения, а не с заявлением о лишении родительских прав в защиту интересов ребенка. Это обосновано тем, что прокурор контролирует деятельность профильных органов, на которые возложена исследуемая функция, а именно органов опеки и попечительства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // РГ от 16 марта 2020 г. № 55.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // РГ от 27 января 1996 г. № 17.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // РГ от 20 ноября 2002 г. N 220.

5. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // РГ от 26 декабря 2008 г. № 265.

6. Мужиченко А.В. Проблемы участия прокурора в гражданских делах о лишении родительских прав // Цивилистика: право и процесс. 2018. С. 118-121.

7. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2019 – ½ 2022 гг. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item> (дата обращения: 30.01.2023).

8. Решение Чкаловского районного суда Свердловской области от 29 июля 2018 г. по делу № 33–7212/08 [Электронный ресурс] // Архив судебной практики СПС «Гарант» (дата обращения: 10.02.2023).

9. Решение Березовского районного суда ХМАО-Югры от 3 февраля 2020 г. по делу № 2–31/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TGNlg6gbq6xw/> (дата обращения: 03.02.2023).

10. Решение Березовского районного суда ХМАО-Югры от 28 мая 2020 г. по делу № 2-223/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ic0Zkb5U61YO> (дата обращения: 10.02.2023).

Об авторе:

ГРИШАНОВ Данил Александрович – аспирант; кафедра гражданского права ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет» (г. Тверь, 2-ая ул. Грибоедова, д. 22); e-mail: grishanovd21@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Д.В. Каргин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье осуществляется исследование категории «незначительности» в отрасли гражданского права с общеправовой точки зрения, а также с позиции правоприменительной практики дел о банкротстве. В статье проведен анализ соотношения категорий «малозначительность», «незначительность» и «несущественность»

Ключевые слова: малозначительность, незначительность, несущественность, банкротство (несостоятельность), гражданско-правовая ответственность.

Идеальная концепция гражданского общества базируется на оптимальном соотношении публичных и частных интересов, где права и свободы личности принимаются за высшую ценность. Исходя из этого становится актуальным вопрос о том, насколько высокой должна быть степень формализма закона в процессе правоприменения. Одним из законодательно определенных способов сокращения формализации закона является категория, определенная как «малозначительность» в уголовном праве и в праве об административных правонарушениях, и как «незначительность» в гражданском праве.

В словаре С.И. Ожегова «незначительный» трактуется как «небольшой по количеству/размерам», «не имеющий существенного, важного значения», «незаметный». Словарь Зализняка определяет термин «малозначительный» как «недостаточно большой по размерам», «не имеющий большого значения, не оказывающий большого влияния». Таким образом, несмотря на отсутствие прямой взаимосвязи между категориями «незначительности» и «малозначительности», их общее семантическое содержание дает основания полагать об их аналогичной правовой природе, что также подтверждается анализом нормативно-правовых источников.

Статья 2.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации устанавливает возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, а более подробно данная категория была разъяснена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 г. №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [4]. В Уголовном кодексе Российской Федерации малозначительность является одним из основополагающих критериев квалификации преступления. Иными словами, при наличии у деяния критерия малозначительности, оно не может быть признано уголовно-наказуемым преступлением [5].

В отрасли гражданского права применяется аналогичный термин «незначительность», однако с сохранением его использования при оценке действий, направленных на нарушение интересов другой стороны отношений.

Проведенный анализ положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) позволяет утверждать об употреблении категории незначительности в двух ситуациях [3].

Во-первых, в контексте оценки правонарушения. В соответствии с п.2 ст.348 ГК РФ обращение взыскания на заложенное имущество не допускается, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. Если не доказано иное, предполагается, что нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества при условии, что одновременно соблюдены следующие условия:

- Сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от размера стоимости заложенного имущества;
- Период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее, чем три месяца.

Во-вторых, в качестве количественной характеристики. Согласно а.2 п.4 ст. 252 ГК РФ в случаях, когда доля собственника незначительна, а также не может быть реально выделена и собственник не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, суд может обязать остальных участников долевой собственности выплатить указанному собственнику компенсацию без его согласия.

В гражданско-правовой науке вопрос оценки правонарушения был поднят Д.В. Богдановым, который апеллирует именно категорией малозначительности в контексте обозначенного вопроса [1]. Так, автор указывает, что игнорирование гражданско-правовой наукой и законодательством малозначительности деяния объясняется преобладанием право-восстановительного характера у большинства мер отраслевой ответственности. Ссылаясь на п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Юридическое лицо не может быть ликвидировано, если допущенные им нарушения носят малозначительный характер или вредные последствия таких нарушений устранены), автор указывает, что в данном случае категория малозначительности употребляется при разрешении вопроса о несении нарушителем неблагоприятных последствий, а не о восстановлении ранее нарушенного права. Проводя аналогию с вышеуказанными публичными отраслями права, можно утверждать о том, что «малозначительность» является общеправовой категорией, и употребляется в случаях разрешения вопроса именно о наступлении обременительных последствий для нарушителя, нежели о восстановлении нарушенного права.

В отличие от мнения Д.В. Богданова, О.А. Кузнецова трактует «малозначительность» в гражданском праве именно с позиции «незначительности», ссылаясь на вышеуказанные статьи ГК РФ, указывая: «В сфере гражданского права существует категория «незначительность», которая в части ответственности совпадает с межотраслевым понятием

малозначительности» [2]. На основании приведенных точек зрения можно утверждать о том, что категория «малозначительность» применима к вопросу о несении неблагоприятных последствий, об ответственности, тогда как «незначительность» является категорией, отчужденной от процесса восстановления нарушенных прав. Ее употребление в отраслях гражданского права наиболее характерно при разрешении вопросов о количественной оценке имущества, что особенно актуально для нормативно-правовых актов и правоприменительной практики по гражданским делам о несостоятельности (банкротстве).

Законодательство о процедуре банкротства носит частно-публичный характер, а сущность процедуры заключается в финансовом оздоровлении экономического субъекта посредством предоставления ему возможности выстроить заново свое финансовое состояние. Публично ограниченный институт банкротства берет свое основание в гражданско-правовых отношениях, где ввиду невозможности исполнения взятых на себя обязательств одна из сторон имеет право на пользование указанным механизмом. В контексте настоящего исследования интерес представляет начальный этап процедуры финансового оздоровления гражданина-должника, где в значительной степени преобладает наличие частных правоотношений между кредиторами и должниками, возникающих на основании судебного решения о юридическом факте состояния банкротства, а также этап определения приоритетности реализации прав на получение денежных средств должника, поиска имущества должника и формирования конкурсной массы.

То имущество, которым гражданин обладает на начальном этапе процедуры банкротства, должно быть выявлено финансовым управляющим, и после чего представлено к реализации. Категория незначительности в ее цивилистическом проявлении встречается в процедуре банкротства непосредственно при решении вопроса о формировании конкурсной массы.

Так, законодательством о банкротстве предусматривается, что не все имущество гражданина может быть реализовано, и должно быть исключено из количества конкурсной массы. Пункт 2 статьи 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предполагает, что для исключения соответствующего имущества из конкурсной массы гражданина обратившееся с ходатайством лицо должно доказать, что стоимость такого имущества не превышает десять тысяч рублей и доход от его реализации существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов [8].

В правоприменительной практике данная норма используется достаточно часто. Наиболее распространенными являются прецеденты с транспортными средствами, которые являются неликвидными и непригодными к их использованию по прямому назначению. Так, например, Арбитражный суд Новосибирской области удовлетворил ходатайство об исключении имущества из конкурсной массы указав следующее: «Проанализировав представленные в материалы дела доказательства, суд приходит к выводу о наличии оснований для исключения из конкурсной массы должника автомобиля ВАЗ1111, 1996 года выпуска, поскольку является неликвидным имуществом должника, реализация

такого имущества экономически нецелесообразно и не повлияет существенно на удовлетворение требований кредиторов, а расходы на его продажу могут превысить возможный доход от его реализации» [7].

Аналогичная позиция суда усматривается в определении Арбитражного суда Самарской области, где относительно аналогичного предмета спора указано следующее: «В силу вышеизложенного, учитывая рыночную стоимость автомобиля, расходы, связанные с его хранением, транспортировкой и реализацией, а также то, что нахождение в конкурсной массе должника указанного имущества нецелесообразно, поскольку его реализация не позволит достигнуть целей банкротства и существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов, суд приходит к выводу о необходимости исключения из конкурсной массы должника вышеуказанного имущества» [6].

На основании приведенных материалов практики можно сделать вывод о том, что банкрот или лицо, которое обращается с ходатайством об исключении имущества из конкурсной массы по обстоятельствам, указанным в п.2 ст.213.25 Закона о банкротстве, обязуется доказать несущественность выгоды от реализации имущества относительно удовлетворения требований кредиторов. Иными словами, учитывая содержание категории незначительности, которое придается ей положениями ГК РФ, можно говорить об аналогичном содержании категорий «незначительность» и «несущественность», а также об их соотношении как общего и частного. Лицам, предпринимающим попытки к исключению имущества из конкурсной массы, необходимо доказать несущественность перспективной сделки с позиции удовлетворения требований кредиторов, которая послужит основанием для сохранения права собственности должника на его неликвидное имущество.

Таким образом, в процессе исследования были сделаны следующие выводы. Категории «малозначительность» и «незначительность» являются аналогичными по своей природе с точки зрения количественной оценки, однако первая употребляется при анализе совершенного деяния, за которое к нарушителю должны быть применены меры юридической ответственности, а вторая употребляется как оценочная категория при разрешении вопроса о восстановлении нарушенного права в натуре, а также как количественная категория при оценке имущества в тех или иных спорах. В правоприменительной практике по гражданским делам о банкротстве употребляется термин «несущественность» с точки зрения достаточности имущества для удовлетворения заявленных требований кредиторов при формировании конкурсной массы. «Незначительность» и «несущественность» в процессе исследования были обозначены как взаимосвязанные категории, где первое выступает как общее, а второе – как частное.

Список литературы

1. Богданов Д.В. Малозначительность гражданского правонарушения // Вестник КазНУ, 2012. – 45-49 с.;
2. Кузнецова О.А. Малозначительность в российском гражданском праве // Пенитенциарная наука, 2014. – с. 67-70;
3. Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ от 29.01.1996 г. № 5 ст. 410;

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // РГ от 31.12.2001 г. № 256;
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ от 17.06.1996 г. № 25 ст. 2954;
6. Определение АС Самарской области от 28.12.2022 по делу А55-9709/2022;
7. Определение АС Новосибирской области от 30.12.2022 по делу А45-15807/2022;
8. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ от 28.10.2002 г. № 43 ст. 4190.

Об авторе:

Каргин Д.В. – аспирант ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г.Тверь, ул. Желябова, 33)

ПРИОРИТЕТ И ПРАВО НА ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

А.И. Малинин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье приведен анализ приоритете и права ребенка на семейное воспитание членами семьи, а также семейное воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Ключевые слова: семейное воспитание, ребёнок, усыновление, опека и попечительство, члены семьи

На протяжении всей истории семья, как уникальный социально-правовой институт, играет главную роль в воспитании детей. Именно воспитание в семье дает возможность осуществить исключительный подход к каждому ребенку с учетом его личностных, психических, физических и иных особенностей [3, с. 211]. Исключительно семейное воспитание осуществляет нормальное физическое, нравственное, интеллектуальное и социальное воспитание ребенка. И перед обществом и государством стоит задача по приоритету и защите права детей на воспитание в семье.

В пункте 3 статьи 1 Семейного Кодекса Российской Федерации (Далее – СК РФ) в качестве основополагающего принципа, используемого государством при формировании курса социальной и правовой политики, закреплён приоритет семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии [2]. Данный принцип берет свое начало в преамбуле Конвенции ООН «О правах ребенка» от 20 ноября 1989 года, в которой закрепляется, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания [1].

На основании данного принципа, СК РФ устанавливает в качестве одного из приоритетных, неотчуждаемых и самостоятельных личных права каждого ребенка, принадлежащих ему от рождения, право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, закрепленное в статье 54 СК РФ. Как подчеркивает С.П. Гришаев, указанная норма предполагает его проживание, прежде всего в собственной семье, которую составляют его родители [5, с. 69]. При этом состав семьи, в которой живет и воспитывается ребенок, может быть разным.

Исходя из положения статье 2 СК РФ, семейные отношения по воспитанию детей регулируются между: супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, а в случаях и в пределах, предусмотренных законом, другими родственниками и иными лицами. Стоит отметить, что, говоря о других родственниках, законодательство прямо не устанавливает круг лиц, относящихся к таковым. Е.Г. Комиссарова и Т.В. Краснова подмечают, что на субъектный состав перечня других родственников оказывают влияние такие критерии как: кровная связь, интерес ребенка, совместное проживание с ребенком и участие в его содержании, тесная эмоционально-психологическая связь с ребенком, именуемая как привязанность ребенка [6, ст. 684]. Исходя из данных критериев, можно предположить, что к категории других родственников могут быть отнесены: бабушка, дедушка, братья, сестры, отчим и мачеха, так как реализуют

воспитательную функцию по отношению к ребенку опосредованно путем тесной взаимосвязи, проживания, наличия общих интересов с ребенком, его содержания. Тем самым данные субъекты могут осуществлять фактическое воспитание ребенка в отсутствие родителей или при невозможности родителями в полной мере осуществлять воспитание ребенка.

К иным лицам могут быть отнесены те, кто в силу присвоенного им статуса относится к лицам, замещающим родителей. К таковым исходя из трактовки положений пункта 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» можно отнести: усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, патронатных воспитателей [9]. Также в силу особого субъектного положения к иным лицам можно отнести органы опеки и попечительства, которые обеспечивают содержание и воспитание ребенка во всех типах организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, до устройства на воспитание в семью.

Таким образом, возможность выполнения обязанностей родителей по семейному воспитанию детей, в отсутствие или наряду с родителями может осуществляться другими родственниками, членами семьи, фактически осуществляющими воспитание ребенка без юридического признания их лицами, заменяющими родителей. В иных случаях, предусмотренных законом функцией по воспитанию детей, обладает органы опеки и попечительства, а также иные лица, замещающие родителей, юридически наделенные таким статусом в силу закона.

Согласно данным из «Сведений о выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей» утвержденных приказом Росстата от 17 декабря 2021 г. № 928, так за 2021 год численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составляет 47 545 детей [10].

В связи с событиями последних лет, вызвавшие новые социально-экономические условия, происходит изменение социального фона, в связи с чем, возрастает роль обеспечения принципа семейного воспитания органами опеки и попечительства в осуществлении права ребенка на воспитание в семье при отсутствии родителей, лишении их родительских прав или в случаях, когда семейное воспитание ребенка невозможно другими родственниками.

Для более полного обеспечения права ребенка на семейное воспитание, в пункте 1 статьи 123 СК РФ приведены такие формы семейного воспитания как: усыновление (удочерение), опека и попечительство, приемная семья, а также в отдельных случаях предусмотренных законами субъектов РФ, патронатная семья.

При этом обеспечение принципа и соблюдение права ребенка на воспитание в семье означает то, что при выборе форм воспитания детей преимущество отдается семейным формам воспитания – это передаче на усыновление, в приемную семью, в семью опекуна или попечителя, патронат. Только в случаях, когда устройство ребенка в семью не представляется возможным, дети

передаются на воспитание в детские учреждения, однако и в данном случае приоритет также отдается детским домам семейного типа. Крайне занимательным являются статистические показатели устройства детей в детские дома семейного типа, согласно которым за 2021 год было устроено всего 32 ребенка, что свидетельствуют о крайне малой применимости подобной формы устройства детей.

Среди наиболее приоритетных форм устройства детей особое место занимает усыновление (удочерение), которое рассматривается в качестве приоритетной формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на что обращает внимание Т.В. Шершень [8, ст. 12]. Отношения, возникающие между усыновителем и усыновленным, идентичны правоотношениям родителей и детей, а значит, институт усыновления может наилучшим образом обеспечить соблюдение права ребенка на воспитание в семье. Семья усыновителя наделяется всеми соответствующими полномочиями и обязанностями по воспитанию ребенка, которые не прекращаются при достижении усыновленным ребенком совершеннолетия. Таким образом, на неё в полной мере распространяет свое действие принцип приоритета семейного воспитания. Но статистические данные свидетельствуют о том, что за весь 2021 год было передано на усыновление (удочерение) лишь 847 детей.

Другой формой семейного воспитания является опека и попечительство, устанавливаемые в целях содержания, воспитания и образования несовершеннолетних детей, а также для защиты их прав и интересов, как указывается в статье 145 СК РФ. «Основной смысл опеки заключается в семейной форме устройства, моделировании семейных отношений как наиболее отвечающих интересам ребенка», – В.Н. Герасимов [4, ст. 16]. Субъективные права и обязанности опекунов и попечителей неразделимы между собой также как права и обязанности родителей по отношению к детям. Опекун или попечитель является непосредственным законным представителем ребенка, переданного ему на воспитание, выступая от имени ребенка, опекун или попечитель выражает волю с учётом интересов и прав ребенка. Стоит обратить внимание, что опека устанавливается над детьми, не достигшими возраста 14 лет, а попечительство - над детьми в возрасте от 14 до 18 лет. Также существует различие между органами опеки и попечительства и лицами, осуществляющими опеку или попечительство. Поскольку опекуны и попечители не назначаются детям, обязанность по воспитанию которых осуществляется в специальном учреждении.

Опека и попечительство как формы семейного устройства может осуществляться как на безвозмездной основе, так и в качестве возмездной формы опеки, путем заключения договора. В качестве возмездных форм опеки и попечительства, являющихся формами устройства семейного воспитания ребенка, могут выступать приемная семья и в отдельных случаях, когда это предусмотрено законами субъектов РФ, патронатная семья. Согласно статистическим данным за 2021 год под опеку и попечительство было передано 23 554 ребенка, из которых 16 017 детей были преданы на безвозмездную форму опеки и попечительства, а 7 537 были преданы на возмездную форму. Из числа

детей, переданных под опеку и попечительство на возмездной основе по договору о приемной семье, было передано на семейное воспитание 6 492, а по договору о патронатной семье 62 ребенка. Как можно заметить, опека и попечительство являются самыми массовыми способами устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Этому способствовала информационная популяризация данных институтов, а также дополнительные финансовые гарантии.

Приемная семья является формой опеки и попечительства по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании договора о передаче ребенка или детей на воспитание в приемную семью, при этом для такой семьи устанавливается самостоятельный правовой статус формы семейного воспитания детей. Стоит отметить, что приемные родители по отношению к приемному ребенку обладают всеми правами и обязанностями, предусмотренными для опекунов или попечителей. Возмездный характер приемной семьи, является фактически единственным отличием от института опеки и попечительства, осуществляющегося на безвозмездной основе. Приемная семья обеспечивает детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, их право на семейное воспитание, поскольку отношения между приемными родителями и приемными детьми строятся на основании договора, истечение срока действия данного договора либо достижение ребенком совершеннолетия прекращают его. Однако, как отмечает П.А. Матвеев, родительские отношения между приемными родителями и детьми не прекращаются одномоментно, фактическая связь между ними не исчезает [7, ст. 243]. Приемная семья обеспечивает детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, право на семейное воспитание.

Патронатное воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, рассматривает как альтернативная форма семейного воспитания, осуществляемая на основании договора, и является одной из форм опеки и попечительства. Вместе с тем патронат существенно отличается от иных форм семейного воспитания. Во-первых, патронатное воспитание осуществляется в тех случаях, когда это предусмотрено соответствующим законом субъекта Российской Федерации. Во-вторых, патронатная семья не может в полной мере осуществлять законное представление интересов ребенка, так как объем полномочий патронатного воспитателя по законному представительству устанавливается договором о патронатном воспитании. Особенность патроната является так же и то, что патронатное воспитание не предусматривает возникновения в качестве правовых последствий отношений родства, алиментных обязательств и наследственных прав. Патронат наряду с приемной семьей является возмездной формой семейного воспитания детей. Согласно договору, патронатная семья получает ежемесячное денежное вознаграждение за осуществление патронатного воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако статистические данные, а также малая информированность о системе патронатного воспитания привело к тому, что данная форма является не востребованной и её место постепенно занимают более

популяризированные виды устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Несомненно, стоит обратить внимание на такой важный показатель как вторичные возвраты детей, находящиеся под опекой и попечительством, в приемной или патронатной семье, а также отмена усыновлений. За 2021 год было отменено 5 210 решений о передаче ребенка в семью по различным основаниям, 3 134 из которых приходилось вторичное возвращение ребенка по инициативе усыновителей, опекунов и попечителей, приёмных и патронатных родителей. В период адаптации могут возникнуть сложности, и если семье вовремя не помочь, то проблемы будут расти и это приведет к тому, что ребенок будет возвращён в специальное учреждение.

Семейное законодательство предусматривает различные формы семейного воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Изучив различные формы семейного воспитания, и проанализировав основные особенности каждой из них, можно заключить, что законодатель обозначает статус усыновления как приоритетного, руководствуясь целью усыновления и правовыми последствиями. Семья выполняет многие социальные функции, играет свою особую роль как в общественном развитии в целом, так и в жизни каждого человека, именно поэтому семья является важной основой государственной политики в Российской Федерации. На данный момент социальная политика ориентирована на то, чтобы укреплять в сознании общественности идею о необходимости устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи, которые могли бы, заняться их воспитанием, в частности можно отметить программу Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка — «Дети в семье» [11]. Реализация приоритета и права на воспитание ребенка в семье возможно только в случае всесторонней заинтересованности и усилий, как со стороны государства, так и со стороны граждан нашей страны.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.
3. Букшина С.В. Право ребенка жить и воспитываться в семье / С.В. Букшина // Молодой ученый. 2010. № 12 (23). Т. 1. С. 211-214.
4. Герасимов В.Н. Приоритет семейного воспитания детей как принцип семейного права: автореф. дис. ... канд. юридич. наук 12.00.03 / Герасимов Василий Никифорович. Москва. 2006. С. 22.
5. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2017. С. 206.
6. Комиссарова Е.Г., Краснова Т.В. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект / Е.Г. Комиссарова, Т.В. Краснова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 672 - 697.
7. Матвеев П.А. Особенности правового регулирования воспитательной деятельности в замещающей семье / П.А. Матвеев // Молодой ученый. 2010. № 6 (17). С. 238-246.

8. Шершень Т.В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей / Т.В. Шершень // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 7-13.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав // Российская газета, № 262, 20.11.2017.

10. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей», утвержденной приказом Росстата от 17 декабря 2021 г. № 928, за 2021 год // [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/82491b531b05e0f4a0aba764ad14d9c8/> (дата обращения: 05.12.2022)

11. Программа «Дети в семье» / Сайт уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. [Электронный ресурс]. URL: <http://deti.gov.ru/pages/deti-v-sem-e> (дата обращения: 10.12.2022).

Об авторе:

Малинин Алексей Игоревич – студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: detrojd69@gmail.com

ОТСТУПЛЕНИЕ СУПРУГАМИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА ОТ РАВЕНСТВА ДОЛЕЙ

А.А. Никитченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рассматривается возможность заключения супругами соглашения о разделе общего имущества супругов, по которому имущество разделено между с супругами с нарушением принципа равенства долей. Может ли отступление от начала равенства в данном случае само по себе рассматриваться в качестве основания для признания недействительными такого соглашения? Если отступление от равенства возможно, то существуют ли какие-то исключения из общего правила?

Ключевые слова: *соглашение о разделе общего имущества супругов, принцип равенства долей, неравноценность раздела, интересы несовершеннолетних детей, интересы кредиторов*

Семья является важным социальным институтом, так называемой ячейкой общества (Карл Маркс) и даже основой зарождения государства (Аристотель). Поэтому вопросы регулирования семейных, в том числе имущественных отношений между супругами, должны подробно изучаться. Осознавая значимость данных отношений, законодатель закрепил в семейном и гражданском законодательстве режимы имущества супругов, в том числе основания их прекращения и изменения.

Особенность правовой и личной связи, существующей между супругами, позволяет акцентировать внимание на договорных формах регулирования семейных отношений между ними, в том числе в целях избежание в будущем конфликтных ситуаций. «С помощью договора стороны могут доурегулировать свои отношения, не урегулированные законом, или даже в допускаемых пределах адаптировать к своим потребностям законодательное регулирование» [10, с. 110]. К числу семейных договоров, регулирующих отношения по принадлежности имущества, относится в том числе соглашение о разделе совместно нажитого имущества. Появление данного соглашения как самостоятельного вида договора в нашем законодательстве как раз связано с необходимостью предоставления супругам дополнительной возможности решения семейных вопросов без вмешательства судебной системы.

Институт соглашения супругов о разделе общего имущества является необходимым в современных условиях. В последние годы наблюдается увеличение количества разводов (см. таблицу 1).

Год	Количество разводов [28]
2021	644 207
2020	564 033
2019	620 767
2018	590 639
2017	611 428
2016	608 330

Отметим, что в 2022 году за период с января по июль 2022 года уже 376 541 разводов [29].

Расторжение брака очень часто сопровождается вопросом раздела имущества супругов. Причем важно понимать, что и в период брака супруги имеют полное право на осуществление раздела совместного имущества, в том числе путем заключения соглашения.

В идеале максимально эффективные правовые способы раздела имущества должны снижать расходы собственников при вступлении в отношения по разделу совместного имущества и одновременно защищать законные права и интересы третьих лиц.

В настоящее время ощущается потребность в более детальной регламентации заключения, формы, содержания, изменения, расторжения и признания недействительными вышеуказанного соглашения, так как, не смотря на значимость этой договорной формы, семейное законодательство не отличается детальной регламентацией данного соглашения. Кроме пункта 2 статьи 38 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее — СК РФ, Семейный кодекс Российской Федерации) [1], согласно которому: «Общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению. Соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, должно быть нотариально удостоверено», специальных норм, касающихся вышеуказанных вопросов, семейное законодательство не содержит. Для сравнения для законодательного закрепления правил о брачном договоре в Семейном кодексе Российской Федерации выделена отдельная глава – глава 8.

Отметим также, что единый подход к разрешению ряда вопросов, связанных с соглашением о разделе, отсутствует в том числе и в юридической литературе, и в практике судов, нотариальных органов, органов государственной регистрации недвижимости.

Здесь важно упомянуть следующее: 14 ноября 2019 года в государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - законопроект № 835938-7) [3], в котором предлагалось закрепить некоторые условия необходимые для включения в соглашение о разделе имущества супругов, а именно: «соглашение:

1) должно устанавливать размер доли супругов во всем их общем имуществе (п. 1 ст. 254 ГК РФ);

2) может определять, какие объекты из состава общего имущества супругов в счет установленных ими долей передаются одному из супругов;

3) может предусматривать обязательство того супруга, которому передается имущество, превышающее по стоимости его долю, выплачивать другому супругу компенсацию и способы обеспечения исполнения этого обязательства» (подп. а) п. 2 ст. 4 законопроекта).

Также в данном законопроекте сообщалось о необходимости включения в п. 2 ст. 38 СК РФ следующего положения: «К соглашению супругов или бывших супругов о разделе нажитого в период брака имущества подлежат применению

положения пункта 3 статьи 42 ... настоящего Кодекса о брачном договоре». То есть запрета на:

1) ограничение:

1.1) правоспособности или дееспособности супругов;

1.2) права супругов на обращение в суд за защитой своих прав;

1.3) права нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания;

2) регулирование:

2.1) личных неимущественных отношений между супругами;

2.2) прав и обязанностей супругов в отношении детей;

3) другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Однако при рассмотрении законопроекта во втором чтении вышеуказанные положения были отклонены и в итоговой редакции проекта данного закона отсутствовали. Считаю это необоснованным, так как соглашение о разделе общего имущества супругов — это не просто гражданско-правовая сделка, а особый вид договора в семейном праве об определенном объекте (общее имущество супругов) между специфичными субъектами (супругами / бывшими супругами). Следовательно, и его урегулированию законодателем должно быть уделено больше внимания. Все это необходимо по причине неопределенности правовой сущности данного соглашения, его признаков, условий, требований к содержанию, порядку изменения и расторжения, оснований признания недействительным.

Одной из явных проблем, связанных с соглашением о разделе общего имущества супругов, возникающей по причине отсутствия полноценного законодательного регулирования данной договорной конструкции, является возможность / невозможность отступления супругов от принципов равенства при разделе общего имущества при заключении ими соответствующего соглашения.

Супруги могут произвести раздел, как исходя из общего правила п. 1 ст. 39 СК РФ о равенстве долей, так и отступить от равенства, «причем не только в отношении всего имущества, но и любой его части» [18]. Данной позиции придерживается большинство ученых-юристов, в том числе: д.ю.н. Левушкин Н.А. [11], д.ю.н. Чефранова Е.А. [20], к.ю.н. Звенигородская Н.Ф. [7], к.ю.н. Невзгодина Е.Л. [12, с. 65], к.ю.н. Расторгуева А.А. [15; 16], к.ю.н. Савельев Д.Б. [18] и другие [5; 6; 8, с. 29-30; 9; 14; 17].

Считаю, что неправильно отрицать возможность заключения супругами соглашения о разделе общего имущества, предусматривающего его неравноценный раздел, так как:

1) во-первых, статья 39 СК РФ содержит положение, согласно которому доли супругов в их имуществе признаются равными, за исключением случаев, если иное не предусмотрено договором между ними. Следовательно, законом прямо предусмотрена возможность отступления супругами от принципов равенства путем заключения соответствующего соглашения;

2) во-вторых, законодателем в части отношений общей собственности супругов задан диспозитивный вектор правового регулирования. Так, в соответствии с абз. 2 п. 4 ст. 1 СК РФ: «права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан». Следовательно, права супругов как собственников имущества могут быть ограничены только на основании федерального закона, а значит, не должны ограниченно толковаться в отсутствие прямых нормативных запретов. Статья 39 СК РФ, содержащая положения, касающиеся соглашения о разделе общего имущества супругов, такого запрета не содержит;

3) в-третьих, в соответствии с абз. 1 п. 4 ст. 421 ГК РФ: «Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами» (принцип свободы договора). Как уже указывалось ранее, в семейном законодательстве отсутствуют положения, закрепляющие требования к содержанию соглашения о разделе общего имущества супругов.

Из вышесказанного следует, что супруги при заключении соглашения о разделе общего имущества вправе по своему усмотрению отступить от равенства долей в нем, установив любой порядок распределения совместного имущества. Отступление от начала равенства в данном случае само по себе не может рассматриваться в качестве основания для признания недействительными такого соглашения [4].

Приведем несколько примеров из судебной практики, подтверждающих данную позицию:

1. Ярким примером правомерности отступления от равенства долей при разделе совместного имущества супругами путем заключения соответствующего соглашения является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.06.2016 № 88-КГ16-1 [22]. Согласно материалам дела, соглашением о разделе имущества супруги определили, что приобретенная на совместные средства в период брака доля в уставном капитале ООО в размере 96% подлежит разделу путем передачи в собственность супруга доли в размере 46%, а в собственность супруги — 50%. По условиям соглашений № 2, № 3 и № 4 о разделе общего имущества супруги договорились прекратить право общей совместной собственности на доли в праве собственности на жилой дом, на два земельных участка и на четыре нежилых помещения и передать указанные объекты недвижимости в собственность супруги. Суд второй инстанции указал, что поскольку по соглашениям большая часть имущества супругов передана в собственность супруги и переданная в ее собственность доля превышает стоимость переданного в собственность супруга имущества, то встречный иск супруга подлежит удовлетворению в части требований о взыскании в его пользу денежной компенсации разницы в стоимости причитающейся ему доли в общем имуществе супругов. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ находит, что данные выводы суда апелляционной инстанции основаны на неправильном толковании и применении норм материального права,

регулирующих спорные правоотношения. Так как в соглашениях о разделе общего имущества супругами не была предусмотрена денежная или иная компенсация за переданное имущество. А согласно положениям семейного законодательства (ст. 7, п. 1 ст. 35, п. 1, 2 ст. 38 СК РФ) супруги свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Еще одним примером может служить Решение Кстовского городского суда (Нижегородской области) от 4 октября 2018 г. по делу № 2-1653/2018 [26], в котором суд в содержательной части не признал недействительным соглашение о разделе общего имущества супругов, которым супруге принадлежит 1/3 доля в праве на жилой дом, общей площадью 412,5 кв.м., а супругу никакое имущество в собственность не передавалось, денежная компенсация за передачу в собственность супруге общего имущества также не была предусмотрена соглашением и не выплачивалась.

В качестве следующего примера приведем Решение Ханты-Мансийского районного суда (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) от 23 июля 2020 г. по делу № 2-1688/2020 [27]. В данном случае суд отказал истцу в удовлетворении иска о признании соглашения о разделе общего имущества супругов недействительным по причине того, что ставит супруга в крайне неблагоприятное положение. Свою позицию он обосновывал тем, что в период брака супруги приобрели 1/10 долю в праве общей долевой собственности на квартиру. Согласно данному соглашению их доли в общем имуществе являются неравными, супруге принадлежит - 100% (то есть вышеуказанная 1/10 доли), а супругу ничего. Причем никакую компенсацию за переданное ей имущество супруга не выплачивает истцу. Суд, обосновывая свою позицию указал следующее: «Соглашение о разделе общего имущества супругов — это добровольный акт, выражающий волю сторон на раздел имущества находящегося в их общей собственности на момент подписания такого соглашения. При заключении добровольного соглашения о разделе совместно нажитого имущества супруги сами определяют принадлежащие им доли, которые не обязательно будут равными»; «Добровольный раздел имущества между супругами не исключает установление режима единоличной собственности на определенное имущество без передачи другой стороне соответствующей компенсации. Следовательно, само по себе отступление по условиям соглашения о разделе совместно нажитого имущества от равенства долей супругов в совместно нажитом имуществе, не свидетельствует о заключении соглашения на крайне невыгодных для истца условиях».

Тем не менее, важно понимать, что даже несмотря на наличие у супругов права предусматривать соглашением о разделе общего имущества распределение его между ними в любых пропорциях, тем не менее они должны учитывать следующее его ограничение — неравноценный раздел не должен нарушать права и интересы третьих лиц, а именно несовершеннолетних детей [14; 16] и кредиторов, в отношении которых установлен принцип приоритета защиты их прав.

Нормы семейного законодательства не содержат специальных оснований недействительности соглашения о разделе имущества супругов, которые бы соответствовали вышеуказанному исключению о необходимости учета интересов детей и ненарушении прав кредиторов при заключении супругами данного соглашения с отступлением от принципов равенства.

Однако относительно приоритета прав детей при разделе отметим, что «есть основания говорить о том, что оно определилось и в судебной практике используется» [7]. Так, в абз. 1 п. 1 ПП ВС РФ от 05.11.1998 г. № 15 указывается, что в случае, когда при расторжении брака в судебном порядке будет установлено, что соглашение о разделе общего имущества супругов достигнуто, но оно нарушает интересы детей или одного из супругов, суд разрешает указанные вопросы по существу одновременно с требованием о расторжении брака. То есть при рассмотрении вышеуказанных дел суд не должен игнорировать существование договоров, заключенных участниками семейных правоотношений. И до тех пор, пока он не разрешит исковое требование об изменении, расторжении, признании недействительным в том числе соглашения о разделе имущества [13; 19, с. 72-73], суд не может при расторжении брака разрешать вопросы о его разделе [7].

Как указывалось ранее, супругам при формулировании в соглашении о разделе общего имущества условий о распределении объектов совместной собственности необходимо учитывать нормы семейного законодательства о составе общего имущества, подлежащего разделу. В частности, это касается следующего правила:

«Вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и другие), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети.

Вклады, внесенные супругами за счет общего имущества супругов на имя их общих несовершеннолетних детей, считаются принадлежащими этим детям и не учитываются при разделе общего имущества супругов» (п. 5 ст. 38 СК РФ).

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса по поводу соотношения интересов супругов, заключивших соглашение о разделе общего имущества, и их кредиторов. Так, при установлении неравных долей в имуществе не должны нарушаться интересы третьих лиц (кредиторов), в противном случае данное соглашение может быть признано судом недействительным по заявлению третьих лиц [13]. Причем основания для этого предусмотрены:

– как нормами гражданского законодательства – ст. 10, 168, 170 и 174.1 ГК РФ – мнимые сделки, сделки, нарушающие требования закона в части злоупотребления супругами своими правами и сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено,

– так и нормами законодательства о банкротстве – ст. 61.2, 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [2] – подозрительные сделки и сделки,

влекущие за собой оказание предпочтения одному из кредиторов, в качестве которого в данном случае выступает супруг, перед другими кредиторами.

Важно учитывать, что понимание этого вопроса именно в таком ракурсе является следствием многолетней судебной практики. Потому что в семейном законодательстве, как уже указывалось ранее, отсутствует указание на то, по каким основаниям соглашение о разделе общего имущества супругов может быть признано недействительным.

Итак, приведем примеры судебных актов, подтверждающих вышеуказанную позицию:

1. Обратим внимание на Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 25.12.2018 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее – ПП ВС РФ № 48 от 25.12.2018) [21], закрепляющее следующее разъяснение для нижестоящих судов: «финансовый управляющий, кредиторы должника, чьи требования признаны арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, обоснованными и по размеру отвечают критерию, указанному в пункте 1 статьи 213.32 Закона о банкротстве, вправе оспорить в рамках дела о банкротстве внесудебное соглашение супругов о разделе их общего имущества (пункт 2 статьи 38 СК РФ) по основаниям, связанным с нарушением этим соглашением прав и законных интересов кредиторов (статьи 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, статьи 10 и 168, 170, пункт 1 статьи 174.1 ГК РФ)» (абз. 2 п. 9 данного ПП ВС РФ);

2. Интересным примером, иллюстрирующим применение судами таких оснований недействительности соглашений о разделе общего имущества супругов, как мнимость соглашения, нарушение им требований закона, может служить Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2021 г. № 88- 15436/2021 [23]. В данном случае суды всех трех инстанций пришли к выводу о необходимости признания соглашения о разделе общего имущества супругов недействительным на основании ст. 10, 168 и 170 ГК РФ, как мнимой сделки, нарушающей требования закона. Это мнение основывалось на том, что согласно условиям соглашения супругов о разделе имущества, заключенного после возникновения у супруга долговых обязательств, в собственность жены перешли: земельный участок, квартира, 100% долей в уставном капитале двух организаций. В собственность мужа были переданы три автомобиля. Такие условия соглашения о разделе не свидетельствуют о реализации супругами предоставленного им законом права на закрепление за каждым из них определенного объема имущественных прав, ввиду отсутствия объективного баланса интересов ответчиков как супругов при разделе имущества, так как жене в отличие от мужа, у которого к тому же имеются неисполненные обязательства перед кредитором, оставлен значительный объем ликвидного имущества. В связи с этим заключение ответчиками такого соглашения, свидетельствует о недобросовестности ответчиков по причине совершения ими преднамеренных действий по выводу имущества из общей собственности, уменьшению объема имущества должника, за счет которого

могут быть удовлетворены требования истца, то есть с целью уклонения одного из супругов от погашения задолженности.

Аналогичным примером является Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2020 по делу № 33-39771/2020 [25], которым суд отменил незаконное решение суда первой инстанции и признал соглашение о разделе общего имущества супругов недействительным по вышеуказанным обстоятельствам. Согласно материалам дела, супруги заключили между собой вышеуказанное соглашение 12.03.2018 г., в соответствии с которым в собственность супруги передавался автомобиль, стоимостью 600 000 рублей, передача какого-либо имущества или компенсации супругу в счет неравноценности раздела предусмотрена не была. Важно, что на момент заключения данного соглашения супруг имел перед истцом неисполненные обязательства по договору займа в размере 599 816 руб. 72 коп., которые были взысканы по решению суда от 28.11.2018 года. В целях обеспечения исполнения данного решения судебным приставом-исполнителем составлен акт о наложении ареста на вышеуказанный автомобиль. В связи с чем супруга обратилась в суд с иском об освобождении имущества из-под ареста, с указанием, что автомобиль является ее собственностью на основании соглашения о разделе имущества. Суд первой инстанции требование удовлетворил. Данным определением этот судебный акт был отменен. В обоснование своей позиции суд апелляционной инстанции указал следующее: фактически режим совместной собственности относительно имущества, являющегося предметом соглашения, супругами не менялся: на момент рассмотрения указанного спора ответчиком не представлено доказательств, подтверждающих исполнение соглашения о разделе имущества супругов в части перехода права собственности на спорный автомобиль, в органах ГИБДД сведения о владельце транспортного средства не изменились, более того должник не уведомил кредитора о заключении соглашения о разделе имущества супругов, по которому определенный перечень имущества переходит в собственность супруги, которая должником не является. Следовательно, спорное соглашение носит мнимый характер и заключено с целью исключения имущества из режима общей совместной собственности, в целях избежать исполнения обязательств, принятых на себя супругом в рамках договора займа, что не допустимо с позиции ст. 10 ГК РФ, и в связи с этим оно является недействительным на основании ст. 168 ГК РФ.

3. По признанию недействительными соглашений о разделе имущества супругов, заключенных в период подозрительности, существует обширная практика. Приведем в качестве примера Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А45-28172/2017 [24], которым ответчику было отказано в кассационной жалобе и решения судов первой и апелляционной инстанции о признании недействительным соглашение о разделе общего имущества супругов по иску финансового управляющего были оставлены в силе.

Свое решение суд обосновал следующим:

1) Соглашением о разделе предусматривалось, что супруге переходит право индивидуальной собственности на следующие объекты: нежилое помещение,

земельный участок, квартира, денежные средства в наличной форме в размере 29 730 000 руб. 00 коп. Передача супругу (должнику) какого-либо имущества или компенсации за неравное разделение общего имущества соглашением предусмотрена не была.

2) Наличие кредиторской задолженности на дату заключения Соглашения судами двух инстанций было установлено верно.

3) Неисполнение супругом обязательств послужило основанием для обращения в суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом).

В соответствии с п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», по правилам главы III.1 Закона о банкротстве могут, в частности, оспариваться соглашение о разделе общего имущества супругов. Оспариваемая сделка заключена в период подозрительности, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

По смыслу пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) для признания подозрительной сделки недействительной необходима доказанность совокупности следующих обстоятельств: вред имущественным правам кредиторов от совершения сделки, наличие у должника цели причинения вреда и осведомленность другой стороны сделки об указанной цели.

Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника.

По общему правилу пункта 1 статьи 39 Семейного кодекса, при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными. Соответственно, прекращение законного режима собственности супругов на имущество вследствие передачи в индивидуальную собственность одного из супругов, лишает второго супруга (в данном случае должника и его кредиторов) права на половину стоимости такого имущества, что определяет вред кредиторам.

В соответствии с п. 3 ст. 19 Закона о банкротстве, заинтересованным лицом по отношению к должнику-гражданину признается его супруг.

Поэтому о наличии указанного вреда кредиторам должника его супруг как сторона соглашения о разделе совместной собственности знает.

Следовательно, соглашение о разделе общего имущества супругов в данной ситуации является подозрительной сделкой и в данном случае оно правомерно признано судом недействительным.

В соответствии с вышеизложенным можно сделать следующий вывод: супруги при заключении соглашения о разделе общего имущества вправе по своему усмотрению отступить от равенства долей в нем, установив любой

порядок распределения совместного имущества. Отступление от начала равенства в данном случае само по себе не может рассматриваться в качестве основания для признания недействительными такого соглашения. Исключением из этого правила является признание соглашения о разделе недействительным по причине нарушения им прав и интересов третьих лиц, а именно несовершеннолетних детей и кредиторов, в отношении которых установлен принцип приоритета защиты их прав.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 16.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190.
3. Законопроект № 835938-7 от 14.11.2019 г. «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 08.12.2022).
4. Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность: Монография // М.: Статут, 2018. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=NIWcVPT4mJGSEIQ6&cacheid=B7F45EF6AAD1DB6814F588DD37089A03&mode=splus&rnd=0.5977098760862907&base=CMB&n=18727#Jf9WWPTyMKKLg11G1> (дата обращения: 08.12.2022).
5. Алимова Н.А. Раздел имущества при разводе супругов: правовые вопросы // СПС КонсультантПлюс 2009. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16245#mAnJVPTY3PbIWvSp> (дата обращения: 08.12.2022).
6. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А. Семейное право: Учебник // М.: Статут, 2019. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/gongalo_bm_krashenninnikov_pv_mikheeva_lu_semejnoe_pravo/ (дата обращения: 08.12.2022).
7. Звенигородская Н.Ф. Проблемы признания недействительным соглашения о разделе имущества супругов // Юрист. 2009. № 5. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IkHpog&base=CJI&n=36913#HrJsVPT0BCGuVКах> (дата обращения: 08.12.2022).
8. Илюшина М.Н. Чашкова С.Ю. Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. С. 25-33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13081475> (дата обращения: 08.12.2022).
9. Ионова Е.В., Полозов В.Н. Указ. соч. О соотношении понятий брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2003. № 1. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IkHpog&base=CJI&n=4163&dst=100016&field=134#m9btWPTobyZh2Jbm1> (дата обращения: 08.12.2022).
10. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: учебное пособие для вузов // М.: Издательство Юрайт, 2022. 393 с. URL: <https://urait.ru/book/dogovornoe-regulirovanie-civilisticheskaya-konceptsiya-494905> (дата обращения: 08.12.2022).
11. Левушкин Н.А. Правовая природа соглашения супругов о разделе общего имущества // Юридический мир. 2011. № 3. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IkHpog&base=CJI&n=53753#vAcRVPTG6vvv3qux> (дата обращения: 08.12.2022).

12. Невзгодина Е.Л. Соглашение о разделе имущества супругов и брачный договор // Вестник Омского университета. Серия Право. 2012. № 1 (30). С. 63-69. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18095870> (дата обращения: 08.12.2022).
13. Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования // Нотариус. 2005. № 4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=8937#65D5WPT1tXYunHwb> (дата обращения: 08.12.2022).
14. Панагушин О.В. Раздел квартиры, приобретенной в браке (особенности инвестиционного договора с определением долей // Жилищное право. 2011. № 6. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=NIWcVPT4mJGSEIQ6&cacheid=EE964DCE151AD63C63E1B7675EA0949A&mode=splus&rnd=0.5977098760862907&base=CJI&n=53637#KGX6WPTaqDHs28Yx1> (дата обращения: 08.12.2022).
15. Расторгуева А.А. Некоторые особенности определения долей при разделе общего имущества супругов // Нотариус. 2012. № 1. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IkHnrog&base=CJI&n=62185#2iATWPTopSXvmnYN1> (дата обращения: 08.12.2022).
16. Расторгуева А.А. Соглашение о разделе общего имущества супругов // Нотариус. 2011. № 6. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=IkHnrog&base=CJI&n=59474#7v2dVPTMx97GsODw> (дата обращения: 08.12.2022).
17. Рябчиков Г. Соглашение о разделе имущества супругов // Юридический справочник руководителя. 2022. № 2. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=127322&dst=100005#OI6RVPTVtyqQFRd6> (дата обращения: 08.12.2022).
18. Савельев Д.Б. Соглашения в семейной сфере: Учебное пособие // М.: Проспект, 2017. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18423#9nROVPT88Btka7AD1> (дата обращения: 08.12.2022).
19. Тихомирова Л.В. Брачно-семейные споры: судебная практика, образцы документов. М. Тихомирова М.Ю. 1999 (2015). 126 с.
20. Чефранова Е.А. Порядок и условия совершения сделок между супругами. // М.: Городец, 2005. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=9505#W5DQVPTTpZ6vPyZI> (дата обращения: 08.12.2022).
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
22. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.06.2016 г. № 88-КГ16-1 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07062016-n-88-kg16-1/> (дата обращения: 08.12.2022).
23. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2021 г. № 88-15436/2021 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=40017&dst=100001#kKmBMPTwfrZSOR8k> (дата обращения: 08.12.2022).
24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А45-28172/2017 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=172407#EOiXMPTWY94OxxfJ1> (дата обращения: 08.12.2022).
25. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2020 г. по делу № 33-39771/2020 //

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1234915#gYyJMPTMB6aKQ4qV1> (дата обращения: 08.12.2022).

26. Решение Кстовского городского суда (Нижегородской области) от 4 октября 2018 г. по делу № 2-1653/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5KRYvYP4mfxC/> (дата обращения: 08.12.2022).

27. Решение Ханты-Мансийского районного суда (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) от 23 июля 2020 г. по делу № 2-1688/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r9ztKog7LhxE/> (дата обращения: 08.12.2022).

28. Сведения Федеральной службы государственной статистики о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов // URL: https://www.gks.ru/free_doc/2016/demo/t1_2.xls; https://www.gks.ru/free_doc/2017/demo/t1_2.xls; https://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/t1_2.xls; https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/t1_2.xlsx; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/krm5UOd0/t1_2-12.xlsx; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12_t1_2.xlsx (дата обращения: 08.12.2022).

29. Сведения Федеральной службы государственной статистики о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь - июль 2022 года // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Edn_07-2022_t1_2.xlsx (дата обращения: 08.12.2022).

Об авторе:

Никитченко Анна Алексеевна – студент 1 курса магистратуры направления «Правовые основы семьи и брака» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), адрес электронной почты: SolovievaAnutaOst@yandex.ru

THE SPOUSES' DEVIATION FROM THE EQUALITY OF SHARES WHEN CONCLUDING AN AGREEMENT ON THE DIVISION OF COMMON PROPERTY

A.A. Nikitchenko

Tver State University, Tver

The possibility of the spouses concluding an agreement on the division of the common property of the spouses, according to which the property is divided between the spouses in violation of the principle of equality of shares, is being considered. Can a deviation from the beginning of equality in this case in itself be considered as a ground for invalidating such an agreement? If a deviation from equality is possible, are there any exceptions to the general rule?

Keywords: *agreement on the division of the common property of spouses, the principle of equality of shares, unequal division, interests of minor children, interests of creditors*

About the author:

NIKITCHENKO Anna Alekseevna – 1st year student of the Master's degree in the direction of "Legal foundations of family and marriage", Tver State University, Tver, e-mail address: SolovievaAnutaOst@yandex.ru

ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ И ДРАГОЦЕННОСТИ – ПОРЯДОК РАЗДЕЛА МЕЖДУ СУПРУГАМИ

С. А. Румянцева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Статья посвящена исследованию актуальных проблем порядка раздела предметов роскоши и драгоценностей между супругами. В статье раскрывается вопрос допустимости изменения законного режима имущества супругов иными договорами помимо брачного соглашения, а также то, каким именно контрактом может быть откорректирован законный режим совместной собственности супругов в отношении драгоценностей и предметов роскоши. Особое внимание уделено проблеме отсутствия в семейном законодательстве строго установленного списка предметов роскоши, а также проблеме раздела предметов роскоши, полученных в дар. Предложены рекомендации по совершенствованию порядка раздела предметов роскоши и драгоценностей между супругами.

Ключевые слова: предметы роскоши и драгоценности, раздел имущества, супруги, брачно-семейное дело, суд.

В настоящее время на законодательном уровне отсутствует строго установленный перечень предметов роскоши и драгоценностей. Именно поэтому возникает большое количество споров относительно того, что именно приравнивать к предметам роскоши и считать общей собственностью супругов, а что к таким предметам не относится.

Нормативно-правовая база, регламентирующая понятия предметов роскоши, а также критерии отнесения имущества к предметам роскоши отсутствует. В случае, если суд рассматривает дело о разделе общей совместной собственности супругов, определение предметов роскоши и их критериев остается на его усмотрение.

В рамках данной статьи можно выделить две, наиболее актуальные проблемы. Прежде всего, допустимость изменения законного режима имущества супругов иными договорами помимо брачного соглашения, а также то, каким именно контрактом может быть откорректирован законный режим совместной собственности супругов в отношении драгоценностей и предметов роскоши: договором о разделе совместно нажитого имущества, договором об определении долей. Второй проблемой является отсутствие в семейном законодательстве строго установленного списка, в котором было бы отмечено, какие предметы конкретно относятся к категории роскоши, а какие — нет. Более того, согласно ст. 36 СК РФ, полученное в дар имущество принадлежит супругу единолично и не подлежит разделу. Однако существует ряд исключений, когда приобретенные по дарственной ценные вещи признаются совместной собственностью.

Согласно пункту 1 статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации, имущество (в том числе драгоценности и предметы роскоши), которое было нажито супругами во время брака, является их совместной собственностью, если соглашением между ними не установлен другой режим этого имущества [1]. Согласно пункту 1 статьи 33 Семейного кодекса Российской Федерации, законный режим имущества супругов действует в том случае, если брачным

контрактом не установлено иное [2]. Глава 8 Семейного кодекса Российской Федерации посвящена брачному договору и особенностям его заключения, содержания, изменения и расторжения, а также признания недействительным. Пункт 1 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации определяет также, что имущество, которое нажито супругами во время брака, является их совместной собственностью.

Одним из ключевых оснований считать договорный режим основанным не только на брачном контракте является изложение пункта 1 статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором не указано «брачный контракт» как в пункте 1 статьи 33 Семейного кодекса Российской Федерации, речь идет просто о «договоре» между супругами. Некоторые авторы говорят о том, что законодатель имел ввиду именно брачный контракт, так как, согласно их точке зрения, иной договор, который изменяет режим имущества, супруги заключать не вправе. Таким образом, они предлагают использовать в данной норме термин «брачный контракт» вместо понятия «договор», с целью не допустить ошибочного понимания термина.

Вместе с тем, как справедливо подчеркивает Е. А. Чефранова, современные условия либерализации и отклонение от жестких императивных предписаний, не могут перекликаться с навязыванием в качестве единственно возможного способа изменения режима совместно нажитого имущества исключительно брачного контракта или договора о разделе имущества, отказывая супругам в иных способах и формах урегулирования отношений, только лишь по той причине, что возможность заключения иных соглашений прямо не предусмотрена в Семейном законодательстве [12, с.76]. Чтобы решить этот вопрос, необходимо установить, что подразумевается под «законным режимом имущества супругов». Согласно Л. Б. Максимович, законный режим является порядком, который установлен в законе в отношении имущества супругов и действует при отсутствии брачного контракта [8, с. 91].

Таким образом, под законным режимом имущества супругов необходимо понимать установленные законом основания и пределы объединения имущества супругов, а также порядок и условия приобретения, изменения и прекращения прав на имущество, которое входит в состав супружеской общности.

Далее рассмотрим проблему отсутствия в семейном законодательстве строго установленного списка предметов роскоши, а также проблему раздела предметов роскоши, полученных в дар. В статье 36 Семейного кодекса РФ конкретизировано, что личные вещи не делятся. Однако далее указано, что к таковым не относятся драгоценности и предметы роскоши. В связи с этим возникает вопрос, что следует относить к роскоши. Правильнее полагать, что предметы роскоши принадлежат к вещам индивидуального пользования, которые совместным имуществом супругов не являются. К исключению относятся драгоценные вещи и иные предметы роскоши, например, драгоценные серьги или же золотая цепь, которые были приобретены за счет общих средств семьи, то они будут подлежать разделу. Однако подаренные вещи, а, следовательно, подаренное движимое и недвижимое имущество, одного супруга

другому супругу разделу не подлежит. Что же касается имущества, которое было подарено супругам, то оно признается их общей собственностью.

Попытки дефиницировать понятие «предметы роскоши» в российском законодательстве были предприняты Ю. А. Грухиным, Д. Б. Ларионовым. Согласно их трудам, законодательство Российской Федерации не дает определения этого термина. Хотя это понятие упоминается в ст. 36 Семейного кодекса РФ, ст. 256 Гражданского кодекса РФ, ч. 2 ст. 19 Закона N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Этот термин должен содержать конкретные количественные и качественные критерии оценки, которые могли бы быть положены в его основу [7, с. 33].

Единственный источник, в котором перечисляются предметы роскоши – это Указ Президента Российской Федерации № 871 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094» [3]. Данный Указ устанавливает перечень товаров, которые с 14 октября 2006 г. и впредь до особого распоряжения запрещено перемещать.

Ряд положений, содержащихся в Семейном кодексе РФ сформулированы нечетко, что создает неясность для правоприменителя. К примеру, не установлено, каким образом та или иная вещь может быть признана предметом роскоши и как определить вложения, значительно увеличившие стоимость личного имущества супруга, которое впоследствии может быть признано общей совместной собственностью.

По мнению А.В. Фиошина [10, с. 256], при разрешении судом дел, связанных с оценочными понятиями семейного права, значимым обстоятельством является высокая степень эмоциональной вовлеченности судьи в рассматриваемый казус. Усмотрение суда может пониматься как реальность и необходимость, или с другой стороны, как крайне нежелательное явление осуществления правосудия [11, с. 110].

В судебной практике также возможно найти признание того, что супруги в отношении драгоценностей и предметов роскоши, которые были нажиты совместно во время брака, могут заключать другие договора, помимо брачного соглашения.

В постановлении Президиума высшего арбитражного суда Российской Федерации от 27.11.2016 № 8184/16 говорится: «Таким образом, имущество, которое было приобретено одним из супругов в браке, является их совместной собственностью независимо от того, на кого из них оно оформлено, так как другое не установлено брачным или другим договором, а также кем из них вносились деньги при его приобретении» [4].

В постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда по делу № А81-4514/2019 указано, что супруги имеют право по своему усмотрению изменять режим общей совместной собственности в отношении драгоценностей и предметов роскоши, которые были нажиты во время брака, а также их части, как на основании брачного договора, так и на основании любого другого соглашения, которое не противоречит нормам нынешнего законодательства [5].

Автором статьи предлагается ряд рекомендаций по совершенствованию порядка раздела предметов роскоши и драгоценностей между супругами. Несмотря на то, что в семейном законодательстве Российской Федерации договорный режим имущества супругов увязывается лишь с заключением брачного контракта, правоприменительная практика, будучи обобщением вырабатываемых судами правовых позиций, показывает другой подход. Законный режим совместной собственности супругов в отношении драгоценностей и предметов роскоши может быть переиначен на договорный не только брачным соглашением, но и договором о разделе совместно нажитого имущества.

Видится закономерным ставить вопрос о расширении главы 8 Семейного кодекса Российской Федерации «Договорный режим имущества супругов, указав в ней вышеупомянутые соглашения».

Необходимо законодательно регламентировать критерии отнесения вещей к предметам роскоши, поскольку на данный момент судебные споры такого характера весьма неоднозначны. Необходимо дополнить ст. 36 Семейного Кодекса РФ подпунктом, в котором следует раскрыть понятие роскоши, определить ее критерии и перечислить примерный перечень предметов роскоши. В основу отнесения тех или иных объектов к роскоши необходимо установить цену товаров, предметов, услуг, которая значительно превышает рыночную.

Следует также отметить, что нет единой практики и установленных критериев в отношении таких понятий, как «нужды семьи» или «предметы роскоши». Категория «нужды семьи» в основном, привлекает внимание, когда необходимо установить, в соответствии с пунктом 2 статьи 45 СК РФ, являются ли данные обязательства общими для супругов [6, с. 49].

Помимо противоположной судебной практики, нет единого мнения, на какой стороне лежит бремя доказывания того, что имущество было использовано на нужды семьи. Кредитору, как правило, трудно представить достаточные доказательства факта расходования денежных средств. Супруги, наоборот, имеют возможности доказать каким образом было расходовано имущество. В такой ситуации видится необходимым введение презумпции, что все полученное по обязательству одним из супругов, было использовано на нужды семьи. Такое решение устранил неравенство в положении кредитора и супругов [9, с. 122].

Таким образом, гражданское и семейное законодательство в настоящее время находится на пути активного развития, вводятся как абсолютно новые, так и уточняющие нормы. Судебная практика стремится к максимально единообразному применению норм права. В случае с семейным правом, это крайне сложно осуществить. Однако на фоне развития экономических отношений, укрепления стабильности гражданского оборота, видится целесообразным ввести в семейное законодательство некоторые уточняющие нормы, связанные с предметами роскоши и драгоценностями, а также определенные критерии, которыми могут руководствоваться суды в рамках оценочных понятий и категорий. Это, по мнению специалистов, непременно должно привести к единой судебной практике по делам, связанным с

имущественными отношениями супругов, а также укреплению гражданского оборота в государстве.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (последняя редакция от 26.10.2021) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (последняя редакция от 21.11.2022) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
3. Указ Президента РФ от 02.12.2013 N 871 (ред. от 12.04.2019) «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 от 7 марта 2013 г.» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
4. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 27.11.2016 по делу № 8184/2016 // Картотека арбитражных дел.
5. Постановление 8 ААС от 11.04.2017 № 08АП-1148/2017 по делу № А81–4514/2015 // Картотека арбитражных дел.
6. Гонгало, Б. М. Семейное право: Учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др. / Под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 112 с.
7. Грухин, Ю. А. К вопросу о дефиниции понятия «предметы роскоши» в РФ / Ю. А. Грухин, Д. Б. Ларионов, Н. А. Шуговитова // Новые парадигмы общественного развития: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции и закономерности: Материалы международной научно-практической конференции: в 4 частях, Новосибирск-Тихорецк-Саратов, 28 декабря 2015 года. – Новосибирск-Тихорецк-Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Академия управления", 2016. – С. 33-34. – EDN VGRDRF.
8. Максимович, Л. Б. Брачный договор в Российском праве / Л. Б. Максимович – М.: Ось-89, 2018. – 178 с.
9. Ульянова, Е. В. Проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов / Е. В. Ульянова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: Материалы IV международной научно-практической конференции. В двух томах, Тамбов, 22–23 мая 2020 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 120-124. – EDN BTVZPC.
10. Фиошин, А. В. О судебной дискреции при рассмотрении дел, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права / А. В. Фиошин // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 250-264.
11. Фиошин, А. В. О судебной практике как источнике гражданского и семейного права / А. В. Фиошин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 4(22). – С. 109-111. – EDN YLKPMW.
12. Чефранова, Е. А. Имущественные отношения супругов: научно-практическое пособие / Е. А. Чефранова. – М.: Изд-во Эксмо, 2019 – 272 с.

Об авторе:

Румянцева Софья Алексеевна – магистр 1 курса юридического факультета направления 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: sofya.rumyantseva@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ УВОЛЬНЕНИЯ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ, НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРАКТИКИ СУДОВ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

И.А. Старикова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В работе проведен анализ определений судов кассационной инстанции 2022 года в отношении обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания в виде увольнения по пп. «в» п.6 ч.1 ст.81 ТК РФ за разглашение коммерческой тайны, ставшей известной работнику в связи с исполнением им своих трудовых обязанностей. Выделены обстоятельства, которые вызывают наибольшие трудности у судов нижестоящих инстанций. Обнаружен прецедент расширительного толкования понятия «день обнаружения проступка».

Ключевые слова: коммерческая тайна, трудовые отношения, увольнение, разглашение, конфиденциальная информация.

Определение судом обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданских дел в судах общей юрисдикции, включая дела об оспаривании увольнения за разглашение коммерческой тайны, является актуальной проблемой применения гражданского законодательства. Наличие или отсутствие таких обстоятельств может быть установлено только судом (ч.2 ст.56 ГПК РФ [2]) на основе представленных доказательств (ч.1 ст.55 ГПК РФ [2]). Неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, недоказанность установленных судом обстоятельств или несоответствие выводов суда обстоятельствам дела являются основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке (п.п.1-3 ч.1 ст.330 ГПК РФ [2]). Несоответствие выводов суда установленным фактическим обстоятельствам дела (юридическим фактам [12, п.5]) и нарушение либо неправильное применение норм процессуального права, в результате которого принято неправильное судебное постановление, являются основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке (ст.379.7 ГПК РФ [2]). В двух из рассмотренных семи определений суда кассационной инстанции судебные постановления нижестоящих инстанций отменены с направлением дела на новое рассмотрение [6, 9], еще в двух случаях суд кассационной инстанции оставил в силе постановление апелляционной инстанции, которое отменяло решение суда первой инстанции с принятием нового решения по делу [5, 7].

Анализ определений судов кассационной инстанции по делам об оспаривании дисциплинарного взыскания в виде увольнения по пп. «в» п.6 ч.1 ст.81 ТК РФ [14] за разглашение коммерческой тайны, ставшей известной работнику в связи с исполнением им своих трудовых обязанностей, показывает, что у судов нижестоящих инстанций возникают проблемы с определением и установлением следующих обстоятельств:

– Установление работодателем мер по охране коммерческой тайны [15, ч.1 ст.6.1, ч.ч.1, 2, 4, 5 ст.10]. Суды не всегда исследуют вопрос наличия грифа «Коммерческая тайна» на электронных документах [6, 10] и наличия доказательств, «достоверно подтверждающих ограничения ознакомления с конфиденциальной информацией установленного круга, учета лиц, получивших доступ к такой информации» [10]. Мерой технического характера является доступ к системам под учетной записью, защищенной логином и паролем [6, 9]. Отсутствие мер технического характера, кроме издания положения о коммерческой тайне или аналога (далее – Положение) отмечается как недостаточное [8]. Отсутствие контроля работодателя за соблюдением требований режима коммерческой тайны трактуется судом как отсутствие «оснований для суждения о том, что ответчик разумно и осмотрительно относился к правовой судьбе охраняемой законом информации, принял достаточные меры для нераспространения данной информации» [4].

– Соблюдение работодателем требований по охране коммерческой тайны в рамках трудовых отношений [15, п.п.1], [2, ст.11]. Цитаты документов работодателя об ответственности работника, приведенные в определениях суда, являются очень расплывчатыми: «установленную законом ответственность», «ответственность в соответствии со статьей <данные изъяты> Уголовного кодекса Российской Федерации и другими нормами законодательства Российской Федерации» [9]. Работодатель предполагает достаточно высокий уровень правовой грамотности работников, позволяющий не только с легкостью ориентироваться в законодательстве РФ, но и безошибочно применять данные знания к своей работе в конкретной организации.

– Наличие доказательств законного основания увольнения [11, п.23], то есть разглашения работником сведений [11, п.38] согласно определению понятия разглашения, а именно совершение работником (без)действий, в результате которых сведения, составляющие коммерческую тайну, стали известны третьим лицам без согласия обладателя сведений либо вопреки трудовому договору [15, п.9 ч.1 ст.3]. При рассмотрении доказательств отнесения сведений к информации, составляющей коммерческую тайну [11, п.38], суды не всегда устанавливают характер сведений: государственная, коммерческая, служебная, либо иная тайна [9]. Доказать совершение работником дисциплинарного проступка [11, п.53] может нарушение положений трудового договора [5, 10] или локальных нормативных актов (Положения [5, 6, 8, 9, 10], инструкции [6], временного регламента [9]). Суды не всегда устанавливают становятся ли сведения известны третьим лицам [6, 8], выводы о разглашении могут носить «вероятностный» характер [5, 9] и не учитывать согласия представителя работодателя на передачу сведений [4]. Необходимо учитывать, что разглашением не является предоставление документов в суд для подтверждения своей позиции [7].

– Соблюдение работодателем порядка увольнения, установленного ст.193 ТК РФ [14], [11, п.23]. Суд не всегда устанавливает дату обнаружения проступка и сроки привлечения к дисциплинарной ответственности [9]. Имеет место расширительное толкование понятия «день обнаружения проступка», когда суды

первой, апелляционной и кассационной инстанций установили, что несмотря на то, что приказ об увольнении издан в пределах месячного срока со дня составления служебной записки о проступке, месячный срок привлечения к дисциплинарной ответственности истек, так как проступок должен был быть обнаружен в течение месяца со дня совершения в результате проверки работников, которая в силу локальных нормативных актов проводится раз в месяц, а служебная записка начальника отдела безопасности о проступке составлена спустя более 2 месяцев после проступка [1, 4, 13].

– Учет работодателем тяжести проступка, обстоятельств, при которых он совершен (ст.192 ТК РФ [14]), [11, п.53] а также предшествующего поведения работника, его отношения к труду [11, п.53]. Суды не всегда учитывают наличие (отсутствие) данного обстоятельства и обоснования невозможности применения к работнику менее строгого вида дисциплинарного взыскания [4, 5] в приказе об увольнении или акте комиссии по расследованию [4, 5, 7, 9].

Дополнительно судом кассационной инстанции в определениях отмечены:

- Отсутствие доказательств наступления негативных последствий для работодателя [4, 5, 8, 9] или необходимость установления данного обстоятельства судом [5, 9], что скорее всего связано с определением информации, составляющей коммерческую тайну, а именно с требованием «действительной или потенциальной коммерческой ценности в силу неизвестности ... третьим лицам» [15, п.2 ч.1 ст.3].

- Возвращение цифрового носителя работником по требованию работодателя [8], хотя выполнение данного требования обязательно только при прекращении или расторжении трудового договора [15, п.4 ч.3 ст.11]

- Требования к содержанию приказа о прекращении трудового договора, исходя из положений ст.ст. 21, 22, 192, 193 ТК РФ [14]:

- Дата и время совершения дисциплинарного проступка
- Дата обнаружения проступка работодателем
- Описание обстоятельств совершения проступка
- Описание конкретных нарушений, допущенных работником
- Оценка тяжести совершенного работником проступка с учетом обстоятельств, при которых он был совершен
- Оценка предшествующего поведения работника и его отношения к труду [9].

Подводя итог, можно отметить, что в судах первой и апелляционной инстанций возникают трудности с определением и установлением обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дел об оспаривании увольнения за разглашение коммерческой тайны, которые связаны с установлением работодателем мер по охране коммерческой тайны, включая обоснование наступления негативных последствий для работодателя; соблюдением работодателем требований по охране коммерческой тайны в рамках трудовых отношений и порядка увольнения, включая требования к содержанию приказа об увольнении; наличием доказательств законного основания увольнения; учетом работодателем тяжести проступка, обстоятельств, при которых он совершен, предшествующего поведения

работника и его отношения к труду. Помимо этого, обнаружен прецедент использования расширительного толкования понятия «день обнаружения проступка».

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.10.2021 по делу № 33-/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения 22.01.2023)

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 17.07.2019) // ВС РФ. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения 07.04.2022)

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 по делу № 8Г-4856/2022 [88-5974/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 по делу № 8Г-3549/2022 [88-5648/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2022 по делу № 8Г-24841/2022 [88-23770/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2022 по делу № 8Г-2647/2022 [88-3671/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2022 по делу № 8Г-26849/2022 [88-27205/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2022 по делу № 8Г-11851/2022 [88-12641/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2022 по делу № 8Г-5293/2022 [88-11496/2022] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения 10.01.2023)

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации"

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству"

13. Решение Головинского районного суда города Москвы от 26.07.2021 по делу № 2-2713/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL:

<https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения 22.01.2023)

14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Российская газета. 31.12.2001. № 0(2868).

15. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "О коммерческой тайне" // Российская газета. 05.08.2004. № 166.

Об авторе:

Старикова Инна Александровна - аспирантка кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», 170021, г. Тверь, 2-ая Грибоедова, д. 22; inna.starikova@gmail.com, SPIN-код: 2187-0430.

THE PROBLEM OF DETERMINING THE CIRCUMSTANCES FOR THE PROPER CASE RESOLUTION WHEN CHALLENGING A DISMISSAL DUE TO DISCLOSURE OF TRADE SECRETS, BASED ON THE ANALYSIS OF THE CASSATION COURT RULINGS

I.A.Starikova
Tver State University

The paper analyzes the 2022 rulings from the courts of cassation in terms of the circumstances relevant to the proper consideration and resolution of cases about challenging the disciplinary sanction in the form of dismissal under subparagraph "b" of paragraph 6 part 1 article 81 of the Labor Code of the Russian Federation due to disclosure of trade secrets that became known to the employee in connection with the performance of his/her employment duties. The circumstances that cause the greatest difficulty for the lower level courts are highlighted. A precedent was found for an expansive interpretation of the "discovery day of misconduct" concept.

Keywords: *trade secrets, labor relations, dismissal, disclosure, confidential information.*

About author:

STARIKOVA Inna, PhD student, Tver State University (Russia, Tver, Ulitsa 2-Ya Griboyedova, 22, 170021); email: inna.starikova@gmail.com; SPIN-code: 2187-0430.

ОБ ОЧЕРЕДНОМ ЭТАПЕ ДСКУССИИ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

Н.И. Тарасов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье анализируются имеющиеся в науке семейного права воззрения на правовую природу договора о суррогатном материнстве, обозначаются аргументы ученых, подтверждающие гражданско-правовой или семейно-правовой характер соответствующих договорных отношений. При этом отмечаются актуальные изменения в правовом регулировании отношений по суррогатному материнству, что, по мнению автора, спровоцировало новый этап научной дискуссии.

Ключевые слова: семейное законодательство; репродуктивные права; договор о суррогатном материнстве; права и обязанности сторон; ответственность сторон.

Не секрет, что договор о суррогатном материнстве, даже при отсутствии легального его определения, длительное время привлекает внимание ученых, представителей общественности и, безусловно, правоприменения. Само упоминание в ст.51 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) такого субъекта, как суррогатная мать, по сути своей явилось революцией в правовом регулировании семейных отношений. Представители науки семейного права буквально с первых дней вступления в силу СК РФ сформировали в цивилистике самостоятельное направление, занимая при этом иногда полярные позиции, иногда выражая солидарность в признании смешанного характера договора о вынашивании и рождении ребенка с помощью услуг так называемой суррогатной матери. [1]

Справедливости ради отметим, что и само именование субъекта тоже вызывало некоторое отторжение, хотя термин «суррогатная мать» прямо предусмотрен в норме закона. Более того, толкование п.4 ст.51 СК РФ позволяет и понятие соответствующее сформулировать: «Суррогатная мать – это женщина, которой на основании согласия лиц, состоящих в браке между собой, имплантирован эмбрион в целях его вынашивания и рождения». Кстати, дискуссия по поводу того, могут ли к услугам суррогатной матери обращаться лица, не состоящие в браке между собой, либо мужчина или женщина, не состоящие в браке вообще и намеревающиеся воспитывать ребенка как единственный родитель, в принципе, не уместна, поскольку статус заказчиков прямо обозначен в ст.51 СК РФ.

В то же время нельзя не отметить противоречие, которое существовало до недавнего времени между нормами СК РФ и Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ № 323), ст.55 которого не исключала возможность обращения к услугам суррогатной матери мужчины и женщины, не состоящих в браке между собой, по поводу одного и того же ребенка.

Безусловно, для правоприменителя важным обстоятельством является договор как основание возникновения соответствующих обязательств, содержание договора в части установления прав и обязанностей, ответственности сторон. Учитывая, что договор о суррогатном материнстве

предполагает оказание медицинской услуги, естественно, что определенные обязательства и ответственность возлагаются на медицинское учреждение, оказывающее соответствующую услугу. Однако, в практике сложились различные варианты построения договорных отношений. Как правило, заключается договор между тремя сторонами: заказчиком выступают супруги или лица, не состоящие в браке между собой, в отношении одного и того же ребенка (детей) или мужчина либо женщина, не состоящие в браке и намеревающиеся быть единственным родителем ребенка, которого вынашивает суррогатная мать; исполнителем в части оказания медицинской услуги выступает медицинское учреждение, исполнителем же в части вынашивания и рождения ребенка выступает суррогатная мать. Не исключены варианты наличия самостоятельных договоров между суррогатной матерью и заказчиками, заказчиками и медицинским учреждением, суррогатной матерью и медицинским учреждением.

Так, например, Журавлева С.П. доказывает, что договор о суррогатном материнстве по своей правовой природе является многосторонней сделкой (договором), взаимным, консенсуальным, безвозмездным, свободным гражданско-правовым договором. При этом данный автор называет договор о суррогатном материнстве «истинным непоименованным договором, не закрепленным в законодательстве» [3, с.11]. Журавлева С.П. настаивает на принятии специального федерального закона «О суррогатном материнстве», в котором должен быть раздел о самом договоре, необходимо, по мнению автора, и Гражданский кодекс РФ дополнить специальной главой [3, с.19]. К сожалению, а автореферате диссертации Журавлевой С.П. понятие договора о суррогатном материнстве так и не предложено.

Несколько позже Стеблева Е.В. представляет диссертационное исследование, отстаивая свою точку зрения о семейно-правовом характере отношений между суррогатной матерью и лицами, заключившими с ней договор о вынашивании и рождении ребенка. [4, с. 8]. Примечательно, что указанный автор тоже не дает понятия договора о суррогатном материнстве, но раскрывает его содержание. Так, по мнению Стеблевой Е.В., «на основании заключенного сторонами договора суррогатная мать соглашается выносить и родить генетически чужого по отношению к ней ребенка для генетических родителей (родителя) при условии, что зачатие ребенка происходит путем проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения и имплантации эмбриона, полученного с использованием половых клеток генетических родителей, а генетические родители (родитель) обязуются обеспечить суррогатную мать необходимыми условиями для вынашивания и рождения ребенка». [3, с. 9].

Совершенно верно заявляет Левушкин А.Н.: «В современной науке семейного права достаточно активно обсуждается вопрос о том, что же выступает юридическим фактом при применении соответствующих технологий (суррогатное материнство, искусственное оплодотворение и др.). Данный вопрос обусловлен не только практическим интересом, но имеет и методологическое значение: в зависимости от того, как он будет разрешен и аргументирован, должна быть изменена и концепция юридических фактов в семейных

правоотношениях» [5, с. 100]. Действительно, понимание отраслевой природы и сути договора о суррогатном материнстве имеет значение для формирования концепции данного договора и, соответственно, правильного применения действующего законодательства при разрешении судами споров, связанных с исполнением названного договора.

Следует признать, что отечественные суды в определенный период буквально «столкнулись» с требованиями о принудительном исполнении условий договора о суррогатном материнстве, причем это в равной степени относилось и к суррогатной матери, которая отказывалась передать заказчикам родившегося у нее ребенка, и к заказчикам, которые отказывались принять ребенка, выношенного для них суррогатной матерью. Особое социальное значение договора о суррогатном материнстве при отсутствии четкой правовой регламентации обусловили инициативу Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который дал специальные разъяснения в постановлении от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». [6]

В частности, суду следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений статьи 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка.

Обращает на себя внимание то, что на момент дачи Пленумом указанных разъяснений в ст.55 ФЗ № 323 не было понятия договора о суррогатном материнстве, указывалось лишь «... по договору, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями..., либо одинокой женщиной...». Таким образом, подчеркиваем: понятие договора о суррогатном материнстве отсутствовало в отечественном законодательстве.

Новой вехой в правовом регулировании соответствующих отношений и, безусловно, стимулом к активизации научной дискуссии стало принятие федерального закона от 19 декабря 2022 года № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], которым были внесены существенные изменения в механизм регламентации отношений в сфере суррогатного материнства.

Во-первых, в ч.9 ст.55 ФЗ № 323 соответствующий договор теперь поименован. Итак, «Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) *по договору о суррогатном материнстве* (курсив мой – Т.Н.), заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее – потенциальные родители (генетическая мать и генетический отец) и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение

ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее – одинокая женщина (генетическая мать)»).

Это значимое для российского законодательства событие, поскольку ожидаемое в нормах семейного законодательства понятие договора о суррогатном материнстве получило легальное признание в специальном федеральном законе об охране здоровья граждан.

В-вторых, ч.3 данной статьи дополнена новым предложением: «Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке». Очевидно, речь идет все-таки о мужчине и женщине, которые не состоят в браке между собой, в силу чего не могут быть потенциальными родителями одного ребенка. В то же время можно предположить, что так называемые одинокие мужчина и женщина, по общему правилу, не могут заключить договор о суррогатном материнстве, выступая потенциальными родителями. Исключение закон предусматривает лишь для женщины, не состоящей в браке, которая по состоянию здоровья не может выносить и родить ребенка.

В-третьих, законодатель установил специальные правила к субъектам договора о суррогатном материнстве с точки зрения наличия у них гражданства Российской Федерации. Так, в ч.10 ст.55 ФЗ № 323 перечень требований, предъявляемых к суррогатной матери, расширен указанием на еще одно: она должна иметь гражданство Российской Федерации. Кроме того, названная статья дополнена ч.11 следующего содержания: «Один из потенциальных родителей (генетическая мать или генетический отец) или оба потенциальных родителя (генетическая мать и генетический отец) либо одинокая женщина (генетическая мать), указанные в части 9 настоящей статьи, должны иметь гражданство Российской Федерации». Таким образом, теперь сторонами договора о суррогатном материнстве могут быть только граждане РФ.

Следует отметить, что новшества, касающиеся наличия брака между потенциальными родителями и гражданства РФ всех упомянутых субъектов, не применяются в отношении случаев, если суррогатная мать уже вынашивает ребенка на момент 19 декабря 2022 года, то есть даты принятия соответствующего федерального закона.

Не сомневаемся, что свершившийся факт легального определения понятия договора о суррогатном материнстве, а также внесение иных корректив в механизм правового регулирования соответствующих отношений простимулируют научные изыскания в данной сфере.

Список литературы

1. Дикова И.А. Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в семейном и гражданском праве России. Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. Москва – 2011.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 19.12.2022г.) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" ст. 55 «Применение вспомогательных репродуктивных технологий».
3. Журавлева С.П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве. Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. Москва – 2011. С. 9, С. 11, С. 19.

4. Стеблева Е.В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства. Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. Москва – 2012. С.8 и далее.

5. Научная статья, Левушкин А.Н. «Права ребенка и их защита при применении суррогатного материнства» // права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная практика, российская наука : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Ф.Беспалов. – Москва : РГ-Пресс, 2018. С. 100.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей".

7. Федеральный закон от 19.12.2022 N 538-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

Об авторе:

Тарасов Никита Игоревич – студент 2 курса аспирантуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33) e-mail: nikita.tara@yandex.ru

ON THE NEXT STAGE OF THE DISCUSSION ON THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACT ON SURROGACY

N.I. Tarasov

FGBOU VO "Tver State University"

The article analyzes the existing views in the science of family law on the legal nature of the contract on surrogate motherhood, identifies the arguments of scientists confirming the civil law or family law nature of the relevant contractual relations. At the same time, actual changes in the legal regulation of relations on surrogate motherhood are noted, which, according to the author, provoked a new stage of scientific discussion.

Keywords: *family law; reproductive rights; surrogate motherhood agreement; rights and obligations of the parties; the responsibility of the parties.*

About the author:

Tarasov Nikita Igorevich – 2nd year postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Tver State University” (170100, Tver, Zhelyabova St., 33) e-mail: nikita.tara@yandex.ru

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЕГО РОДИТЕЛЕЙ

С.А. Фролов, Р.О. Шутов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В настоящей статье исследуются вопросы, связанные с реализацией некоторых прав ребенка при признании его родителя(ей) несостоятельным (банкротом). Авторы пришли к выводу, что выработанные законодателем и правоприменителем гарантии не обеспечивают надлежащую защиту прав ребенка на жилище и содержание со стороны родителей-банкротов. В статье также отмечено, что на сегодняшний день в судебной практике отсутствует единый подход при разрешении вопросов, связанных с реализацией данных прав ребенка.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), право ребенка на содержание, право ребенка на жилище, соглашение об уплате алиментов, взыскание на единственное жилье должника.

Право ребенка на жилье и содержание со стороны родителей гарантировано нормами ст. 2, 17-19, 21 и 40 Конституции РФ [2]. Ст. 38 Конституции РФ, п.1 ст.9 Конвенции о правах ребенка и п. 2 ст. 54 СК РФ закрепляют право ребенка жить и воспитываться в семье [2, 1, 3]. В то же время, реализация данных прав ребенка осложнена в ситуации, когда родители или один из родителей признаны судом несостоятельными (банкротами). Мы должны понимать, что интересы участников производства по делам о несостоятельности (банкротстве) гражданина, как правило, противопоставлены друг другу. Как справедливо отметил П.М. Морхат, «реализация процедур банкротства физического лица предполагает поиск оптимального баланса между интересами самого гражданина, включая членов его семьи (в частности, несовершеннолетних детей и других находящихся у него на иждивении лиц), и интересами его кредиторов» [11, с. 55]. Однако порой проблематично соблюсти данный баланс интересов, не нарушив права определенного лица.

Следует понимать, что требованиям кредиторов противостоят не имущественные интересы ребенка, как "очередного кредитора", а его права, гарантированные Конвенцией ООН о правах ребенка. Поскольку Россия является социальным государством, то права ребенка, как слабой стороны в правоотношениях, охраняются в приоритетном порядке, чем права иных субъектов.

Далее авторы будут анализировать некоторые аспекты реализации права ребенка на содержание и жилище при несостоятельности (банкротстве) его родителей в части реализации единственного жилья должника, а также вопроса действительности соглашения об уплате алиментов на содержание ребенка.

Рассмотрим некоторые аспекты реализации права ребенка на жилище при несостоятельности (банкротстве) его родителей.

Реализация имущества должника, признанного в установленном законом порядке несостоятельным (банкротом), выступает способом достижения целей и задач процедуры несостоятельности (банкротства).

Однако реализация недвижимого имущества родителя-должника в виде жилого помещения, в особенности, когда оно является единственным, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) приводит к умалению прав ребенка.

Безусловно, законодателем предпринят ряд мер, обеспечивающих охрану права ребенка на жилище, которое также напрямую взаимосвязано с правом на заботу со стороны родителей, и совместное проживание с родителями. В частности, такой мерой выступает наложение имущественного иммунитета на единственное жилье должника, признанного судом в установленном законом порядке несостоятельным (банкротом).

Так, в соответствии с частью 3 статьи 213.25 Федерального Закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и частью 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ единственное пригодное для постоянного проживания помещение (жилье) должника и членов его семьи не составляет конкурсную массу и не подлежит взысканию и реализации [4, 5]. Имущественный иммунитет в данном случае выступает гарантией защиты конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов [14]. Не стоит забывать, что члены семьи собственника, в том числе и ребенок, имеют право пользования данным жилым помещением наравне с самим собственником, что следует из части 4 статьи 31 Жилищного кодекса РФ [6].

Ситуация, в которой жилое помещение остается в собственности родителей, а ребенок остается проживать в нем и сохраняет сложившиеся социальные связи со своим окружением, является наиболее благоприятной.

В данном случае воздействие неблагоприятных последствий, вызванных реализацией имущества родителя-должника, на ребенка не столь существенно, как если бы семья лишилась своего единственного жилья. Однако, к сожалению, данная ситуация может возникнуть, например, когда такое жилое помещение является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание, родитель является недобросовестным должником, злоупотребившим своими правами и причинившим вред имущественным правам кредиторов, или же само жилое помещение не отвечает признаку «достаточной разумности в обеспечении потребности в жилье» (роскошное жилье). В этих случаях возможно нарушение прав ребенка.

Прежде всего, необходимо руководствоваться тем, что по общему правилу на единственное жилье должника не может быть обращено взыскание. На данную категорию имущества действует имущественный иммунитет. В своей правовой позиции Конституционный Суд РФ указал, что целью института имущественного иммунитета является недопущение нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантия гражданину-должнику и членам его семьи уровня обеспеченности жильем, необходимым для нормального существования [15].

При этом на практике возникали ситуации, когда данное недвижимое имущество явно превышало разумную потребность должника и членов его семьи в обеспеченности жильем [16]. Поэтому кредиторы для удовлетворения своих требований предпринимали тщетные попытки приобрести для должника и членов его семьи другое заменяющее жилое помещение, обеспечивающее их потребности, взамен «роскошного». Однако в силу отсутствия механизма и ориентиров для определения уровня обеспеченности жильем, как разумно достаточного, проведение данной процедуры затруднительно, а в некоторых случаях – невозможно [20]. Ни закон, ни судебная практика не заложили гарантии охраны и соблюдения права на жилище должника и членов его семьи, помимо той, что должник и члены его семьи не должны остаться без жилья вовсе или их потребность в обеспеченности жильем должна быть соблюдена в разумной степени достаточности. Должен ли суд при разрешении вопроса о замещении жилья учитывать права и законные интересы членов семьи должника, в частности, права и законные интересы ребенка? Конкретного ответа на данный вопрос нет.

Так, суд апелляционной инстанции сохранил в силе определение суда первой инстанции о проведении процедуры реализации имущества гражданина Поторочина А.А., признанного несостоятельным (банкротом). Обстоятельство, что квартира, в которой проживал должник, является также единственным жильем для его несовершеннолетнего сына, а заменяющее жилье площадью 31,7 кв.м недостаточно для проживания всех членов семьи должника, не было исследовано. Суд сослался на отсутствие документального подтверждения данного обстоятельства и на непредоставление данных доказательств в суде первой инстанции [24]. Решения суда первой и апелляционной в кассационной инстанции были оставлены без изменения [20].

Представляется, что замена жилья в вышеуказанном примере судебной практики является законной. Однако мы полагаем, что при рассмотрении дела судом также должны были быть учтены и исследованы обстоятельства, связанные с реализацией и охраной права несовершеннолетнего на жилье. Совершенно неоправданно, что данное процессуальное действие суда сугубо зависит от представления возражений и доказательств со стороны участника производства по делу о несостоятельности (банкротстве). Получается, что права и законные интересы ребенка и вовсе могут быть не учтены при разрешении вопроса о реализации единственного пригодного для проживания помещения и, соответственно, его замены. Считаем, что изменения, внесенные Федеральным законом от 07.10.2022 г. №387-ФЗ в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и предоставляющие прокурору возможность вступить в процесс в целях обеспечения законности в случае, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются жилищные права граждан, в том числе несовершеннолетних, способствуют пресечению данной практики, когда учет интересов несовершеннолетнего зависит сугубо от действий участника процесса [7].

Принятое Конституционным Судом РФ Постановление от 26.04.2021 №15-П изменило сложившуюся ситуацию. Суд указал на возможность снятия

имущественного иммунитета с единственного жилого помещения и констатировал допустимость приобретения для должника заменяющего жилья за счет средств, вырученных от реализации имущества должника, при соблюдении ряда гарантий [14]. Так, во-первых, ухудшение жилищных условий не может вынуждать должника помимо его воли к переезду в другое муниципальное образование (поселение). Во-вторых, отказ в применении имущественного иммунитета не должен оставить должника и членов его семьи без жилища вовсе. В-третьих, отказ от имущественного иммунитета не может выступать мерой ответственности для должника и членов его семьи. В-четвертых, замещающее жилое помещение может быть предоставлено гражданину - должнику кредитором в порядке, который установит суд. Наконец, площадь заменяющего пригодного жилья должна быть не меньше нормы предоставления жилья по договору социального найма [17]. Также важной гарантией является участие прокурора в процессе в случае, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются жилищные права граждан, в том числе несовершеннолетних

Безусловно, данные гарантии обеспечат охрану конституционных прав и законных интересов ребенка при признании родителя несостоятельным (банкротом) и реализации единственного жилья. Однако нормативное закрепление данных гарантий является обязанностью законодателя или соответствующего органа исполнительной власти, а не правоприменителя. Поэтому закрепление гарантий в акте правоприменения не обеспечит надлежащую охрану прав должника и членов его семьи. Законодателю надлежит разработать нормативный акт, закрепляющий порядок и гарантии замены жилья при признании его собственника несостоятельным (банкротом). При этом остается нерешенной проблема, связанная с охраной прав должника и членов его семьи при изъятии единственного пригодного для проживания помещения, являющегося предметом ипотеки. Имущественный иммунитет не распространяется на ипотечные обязательства, независимо от наличия регистрации в жилом помещении несовершеннолетних детей [25]. В данном случае замена жилого помещения на другое не предусмотрена

Важным моментом в процедуре реализации имущества несостоятельного гражданина является соблюдение имущественных прав его несовершеннолетних детей. Для достижения этой цели законодатель предусмотрел механизмы получения несовершеннолетним ребенком материального содержания от родителя, признанного банкротом. Так, согласно статье 213.11 Федерального Закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с даты признания гражданина несостоятельным (банкротом) прекращается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям с гражданина, но это правило не касается исполнительных документов по уплате алиментов. Такой обеспечительный механизм, по мнению некоторых авторов, не является безупречным, потому как он не будет работать в случае, когда между супругами есть соглашение об алиментах. Еще один механизм - включение требований об уплате алиментов в первую очередь реестра кредиторов. В том случае, если требования об уплате алиментов предъявляются уже после введения процедуры

реструктуризации долгов, такие требования будут рассматриваться как текущие и удовлетворяться даже ранее реестровых кредиторов, понятно, что такая конструкция дает больше шансов на удовлетворение требований об алиментных взысканиях. Такой подход, по мнению Е.М. Сафроновой является эффективным и совершенно обоснованно поддерживается судебной практикой [8].

В доктрине наличествуют споры о пределах приоритета права ребенка на содержание по отношению к имущественным интересам кредиторов в рамках производства по делу о несостоятельности (банкротства). Ряд ученых указывают, что безусловный приоритет прав ребенка вредит гражданскому обороту. Так Р.К. Лотфуллин указывает, что чрезмерно высокий размер алиментов, намного превышающий разумные потребности ребенка, оценивается в современной судебной практике как не противоречащий их интересам. Однако возведение в непререкаемый абсолют интересов ребенка в подобной ситуации вряд ли соответствует целям правового регулирования алиментных отношений [10, с. 242]. С.Ю. Чашкова отмечает, что сохранение ребенку прежнего уровня его материального обеспечения, существенно превышающего установленные законом нормы, не может быть реализовано за счет кредиторов. Иной подход посягает на основы правопорядка и стабильность гражданского оборота [12].

Данные беспокойства в доктрине были вызваны Определением Судебной Коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.10.2017 г. N 310-ЭС17-9405 по делу N А09-2730/2016 [19]. В данном деле Верховный Суд РФ признал законным соглашение об уплате несостоятельным супругом алиментов в размере 90% заработной платы и иных доходов в отношении трех несовершеннолетних детей. В данном деле Суд сослался на то, что дети являются слабой стороной, а чрезмерность суммы алиментов должна устанавливаться в отношении абсолютной суммы. При этом бремя доказывания чрезмерности лежит на истце.

Как отмечает П.А. Ломакина, баланс интересов несовершеннолетних детей должника и его гражданско-правовых кредиторов, установленный в Определении, представляется справедливым. Кто-то может раскритиковать Верховный Суд за то, что высказанные им критерии для признания алиментного соглашения недействительным являются нечеткими: чрезмерность, превышение размером алиментов уровня, достаточного для удовлетворения разумных потребностей ребенка. Однако, только такое решение и могло быть сформулировано, поскольку потребности конкретного ребенка правильнее определять индивидуально, исходя из обстоятельств конкретного дела [9].

В то же время, если обратиться к практике арбитражных судов, выясняется, что опасения ученых являются напрасными. Более того можно говорить, что права ребенка при рассмотрении судом дел данной категории не защищаются и должным образом не учитываются. Так, в случае, если соглашение об уплате алиментов было достигнуто в подозрительный период и при этом размер алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей, будет превышать размер, установленный в Семейном кодексе РФ, то суд признает соглашение недействительным и установит алименты, как правило, в размере половины прожиточного минимума на ребёнка [22, 23]. Данная судебная практика не

соответствует целям РФ, как социального государства, поскольку подобный размер алиментов нельзя назвать удовлетворяющим интересам ребенка. Выходом из данной проблемы может послужить закрепление на законодательном уровне положения, устанавливающего, что в ситуациях, когда соглашение об уплате алиментов было признано судом недействительным, размер алиментных платежей определяется по правилам статьи 81 СК РФ.

Большое значение для более эффективной защиты права ребенка на содержание имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2022 г. № 15-П [13]. В данном деле заявительница, признанная несостоятельной, просила суд исключить из конкурсной массы, формируемой за счет получаемой ею заработной платы, денежные средства в размере прожиточного минимума для детей - на ребенка 2009 года рождения и в размере 1/2 величины прожиточного минимума для детей - на ребенка 2014 года рождения. Суды отказали в удовлетворении требования в части исключения из конкурсной массы денежных средств на ребенка 2009 года рождения в размере прожиточного минимума на детей, установив исполнительный иммунитет на денежные средства в размере 1/2 прожиточного минимума на детей, ссылаясь на то, что другую половину должен представить отец ребенка. Конституционный Суд РФ в своем решении прямо указал, что действующее положение законодательства не может служить основанием для лишения несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина, признанного банкротом, содержания в виде денежных средств в размере установленной величины прожиточного минимума для детей и в том случае, если отсутствуют доказательства неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации.

Таким образом, мы можем констатировать, что гарантированные на международном и национальном уровне права ребенка могут быть подвергнуты умалению при признании его родителя(-ей) несостоятельным (банкротом). Однако законодателем и правоприменителем выработаны гарантии обеспечения прав и интересов ребенка. Но в то же время, сложно говорить о том, что данные гарантии обеспечивают полную защиту прав и законных интересов ребенка при признании его родителей несостоятельными. На это указывает, в частности, отсутствие единого подхода в судебной практике при установлении размера алиментных платежей в отношении ребенка при признании алиментного соглашения, заключенного в подозрительный период, недействительным, а также предоставлении заменяющего жилья при реализации единственного жилья родителя-должника.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989, вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 года // СПС «Консультант Плюс»
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 01.07.2020 г.) // Российская газета – 25.12.1993. – №237.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.

4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть I), ст. 14
7. Федеральный закон от 07.10.2022 N 387-ФЗ "О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" // Российская газета – 11.10.2022. – №229 (8877)
8. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека монография / отв. ред. Карелина С.А., Фролов И.В. – М.: Юстицинформ, 2022. // СПС «Консультант Плюс»
9. Ломакина П.А. Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Поиск баланса интересов детей и конкурсных кредиторов // Журнал «Закон». 2018. №6 // СПС «Консультант Плюс»
10. Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве. Монография. – М.: Статут, 2019. 328 с.
11. Морхат П.М. Обращение взыскания на единственное жилье должника-банкрота: теоретико-правовой аспект и анализ судебной практики // Судья. – 2020.– №9– С.55-60 // СПС «Консультант Плюс»
12. Чашкова С.Ю. Проблемы алиментного обязательства родителей и детей: частно-правовой и публично-правовой аспекты // Журнал «Закон». 2022. №1 // СПС «Консультант Плюс»
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2022 г. N 15-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой" // СПС «Консультант Плюс»
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П "По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова" // СПС «Консультант Плюс»
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П "По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова" // СПС «Консультант Плюс»
16. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 июля 2021 г. N 303-ЭС20-18761 по делу N А73-12816/2019 // СПС «Консультант Плюс»
17. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2021 года № 309-ЭС20-15448 по делу N А50-34786/2017 // СПС «Консультант Плюс»
18. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 января 2020 № 308-ЭС19-18381 по делу N А53-31352/2016// СПС «Консультант Плюс»
19. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 г. N 310-ЭС17-9405 по делу N А09-2730/2016 // СПС «Консультант Плюс»
20. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.09.2020 по делу № А23-2838/2019 // СПС «Консультант Плюс»
21. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.05.2020 г. № Ф09-8742/18 по Делу № А60-56649/2017 // СПС «Гарант»
22. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 марта 2020 г. N Ф01-8779/20 по делу N А28-12124/2015 // СПС «Гарант»

23. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2022 г. N 07АП-706/22 по делу N А03-13721/2020 // СПС «Гарант»

24. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2019 г. № №17АП-12261/2018 (3)-АК по Делу № А60-56649/2017 // СПС «Гарант»

25. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.07.2018 по делу N 33-29348/2018). // СПС «Консультант Плюс»

Об авторах:

ФРОЛОВ Севастьян Алексеевич – студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция;

ШУТОВ Роман Олегович – студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ КАК ОСНОВАНИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

И.В. Шамкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье рассматриваются вопросы признания брачного договора недействительным по тому основанию, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. При этом особое внимание уделяется анализу правоприменительной практики. В заключении делается вывод о том, что судебная практика по данному вопросу приобретает важную роль, поскольку вырабатывает свои критерии того, что следует считать крайне неблагоприятным положением.

Ключевые слова: брачный договор, недействительность брачного договора, крайне неблагоприятное положение, специальное, семейно-правовое основание недействительности брачного договора, правоприменительная практика.

Действующее семейное законодательство предоставляет возможность регулировать ряд семейных отношений при помощи договорных конструкций. В частности, как следует из содержания статьи 42 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) супруги при помощи брачного договора вправе изменить установленный законом режим совместной собственности и установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все их имущество, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов [1].

Семейный Кодекс закрепляет специальное, семейно-правовое основание недействительности брачного договора. Согласно п. 2 ст. 44 СК РФ суд может признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение [1]. При этом используя описательно-оценочную формулировку «условия договора, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение», законодатель не раскрывает содержание данного понятия и не устанавливает какие-либо критерии для его оценки. Такая ситуация усложняет правоприменение и оказывает дестабилизирующее влияние на практику в вопросах признания брачного договора недействительным по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 44 СК РФ, поскольку имеет место различное восприятие и толкование норм семейного законодательства, применяемых к спорным правоотношениям.

В свою очередь, судебной практикой выработаны некоторые обстоятельства, которые могут свидетельствовать о том, что условия брачного договора ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. В качестве таких обстоятельств выступают ситуации, когда по условиям брачного договора:

1) один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. N 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака») [2];

2) в распределении между супругами имущества, нажитого в период брака, имеется существенная диспропорция (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. N 18-КГ16-10) [3].

При этом, учитывая разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, важно указать, что обозначенные случаи не выступают в качестве исчерпывающего перечня ситуаций, которые свидетельствуют о том, что условия брачного договора ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Вопрос о том, являются ли условия определенного брачного договора неблагоприятными для одной из его сторон, должен разрешаться в каждом конкретном случае индивидуально, в зависимости от фактических обстоятельств дела.

Далее хотелось бы обратить внимание на Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2022 г. N 33-КТ22-5-К3 [4], в котором были рассмотрены вопросы, касающиеся признания брачного договора недействительным, по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 44 СК РФ.

Как следует из текста судебного акта, Истцом заявлено требование о признании брачного договора недействительным. В обоснование исковых требований Истец указал, что под влиянием угроз со стороны Ответчика был вынужден заключить с ним брачный договор, условия которого поставили его в крайне неблагоприятное положение, поскольку стоимость перешедшего Ответчику имущества более чем в десять раз превысила стоимость имущества, перешедшего ему. Принуждение со стороны Ответчика к заключению брачного договора, по мнению Истца, выразилось в похищении свидетельства о заключении брака, свидетельств о рождении детей, сертификатов гражданства, угрозе инициирования судебного спора о расторжении брака, разделе имущества, об определении места жительства несовершеннолетних детей с Ответчиком, взыскании алиментов.

Решением Всеволожского городского суда Ленинградской области от 15 июля 2020 г. в удовлетворении исковых требований о признании брачного договора недействительным было отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что Истцом не представлено доказательств, свидетельствующих о том, что условиями брачного договора он поставлен в крайне неблагоприятное положение, а также доказательств, подтверждающих совершение сделки под влиянием угроз. Судом были отклонены доводы Истца о несоразмерном разделе имущества, как несостоятельные, поскольку возможность отступления от равенства долей посредством заключения брачного договора предусмотрена законом, а несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества сама по себе не является основанием для признания брачного договора недействительным.

Самостоятельным основанием к отказу в удовлетворении исковых требований, послужил пропуск Истцом срока исковой давности для признания брачного договора недействительным. Суд первой инстанции указал, что сообщение Ответчиком о намерениях инициировать судебное разбирательство о расторжении брака, разделе имущества и об определении места жительства

несовершеннолетних детей являлось правомерным действием и не могло быть расценено как длящаяся угроза с целью понуждения к заключению брачного договора. Кроме того, о нарушении свои прав Истец должен был узнать не позднее даты заключения оспариваемого брачного договора, поскольку действия Ответчика, на которые идет ссылка в качестве обстоятельств угрозы, были реализованы на момент заключения договора и не являлись длящимися.

Суд апелляционной инстанции согласился с такими выводами и оставил решение суда первой инстанции без изменения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2021 г. решение суда первой инстанции и апелляционное определение были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Отменяя судебные постановления судов нижестоящих инстанций, кассационный суд исходил из того, что действия Ответчика, удерживающего несовершеннолетних детей в Великобритании, представляют собой угрозу, под влиянием которой Истцом был заключен брачный договор, а также являются длящимися, не прекратившимися на момент рассмотрения спора, в связи с чем выводы судов нижестоящих инстанций о пропуске Истцом срока исковой давности не соответствуют нормам материального права.

Также кассационный суд общей юрисдикции указал, что при рассмотрении спора суды не исследовали состав и стоимость имущества, переданного каждой из сторон брачного договора, чем нарушили принцип соразмерности выделяемого каждому из супругов имущества, и не дали оценки доводам Истца о том, что условия брачного договора ставят его в крайне неблагоприятное положение.

Не согласившись с Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции Ответчик подал кассационную жалобу в судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации.

В своем Определении судебная коллегия Верховного суда указала, что выводы кассационного суда сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права. Гражданским процессуальным законодательством право переоценки доказательств кассационному суду общей юрисдикции не предоставлено. В свою очередь, в нарушение процессуального законодательства судом кассационной инстанции фактически осуществлена переоценка обстоятельств, установленных судами первой и апелляционной инстанций о пропуске Истцом срока исковой давности и об отсутствии угроз при заключении брачного договора. Так, было установлено новое обстоятельство - нахождение детей на момент рассмотрения спора в Великобритании с Ответчиком, которое было положено в основу вывода о длящемся характере угрозы удержания детей со стороны Ответчика и об отсутствии в связи с этим пропуска срока исковой давности.

Кроме того, было указано на ошибочность вывода суда кассационной инстанции о том, что нижестоящие суды не исследовали довод о крайне неблагоприятном положении Истца вследствие заключения брачного договора,

не учли представленные в материалы дела доказательства, подтверждающие состав полученного Истцом имущества, и не установили его стоимость.

Между тем, как следует из текста судебного акта, суды первой и апелляционной инстанций установили, что условиями брачного договора Истец не поставлен в крайне неблагоприятное положение, поскольку по условиям брачного договора получил одновременно денежную сумму, в его собственность также переданы: квартира и гараж в г. Санкт-Петербурге, квартира в г. Лондоне, картины, предметы дизайна и интерьера, коллекция ювелирных украшений, иное движимое имущество.

Судом первой инстанции установлено, что заключению брачного договора предшествовали переговоры сторон и их представителей. В материалы дела представлена электронная переписка сторон, из которой следует, что Истцу до заключения сделки были известны ее условия, Истец указывал имущество, которое должно перейти в его собственность.

В связи с чем судебной коллегией Верховного суда был сделан вывод, что позиция кассационного суда о несоблюдении принципа соразмерности при разделе имущества на основании оспариваемого брачного договора не основана на законе, поскольку возможность отступления от равенства долей посредством заключения брачного договора предусмотрена положениями семейного законодательства, а несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества не является безусловным основанием для признания его недействительным. Кроме того, было указано, что стоимость имущества, переданного каждому из супругов по брачному договору, при установленных судами обстоятельствах отсутствия крайне неблагоприятного положения Истца с учетом количества и вида переданного ему имущества по брачному договору, не являлась обстоятельством, имеющим юридическое значение для правильного разрешения спора.

Учитывая изложенное, определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2021 года было отменено, оставлены в силе решение суда первой и апелляционной инстанции, которыми требование о признании брачного договора недействительным, в связи с тем, что его условия ставят Истца в крайне неблагоприятное положение, оставлено без удовлетворения.

В проанализированном определении Верховного суда РФ достаточно подробно рассмотрены вопросы, касающиеся признания брачного договора недействительным, на основании того, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, что позволяет сформулировать ряд выводов, относительно обстоятельств, которые необходимо учитывать при оспаривании брачного договора по данному основанию.

В первую очередь важно отметить, что сообщение о намерении совершить правомерное действие, как и само его совершение, в рассмотренном случае имело место процессуальное действие, связанное с подачей в суд требования об определении места жительства детей, не может расцениваться как угроза, совершенная с целью понуждения одного из супругов заключить брачный

договор, условия которого поставят такого супруга в крайне неблагоприятное положение.

В том случае, если заключению брачного договора предшествовали переговоры, касательно его содержания и условий, а также обсуждалось количество и вид имущества, которое переходит каждой из сторон такого договора, и имеются надлежащие доказательства таких переговоров, то данные обстоятельства могут свидетельствовать о том, что не имеется оснований для признания такого брачного договора недействительным в связи с непропорциональностью выделенных долей в общем имуществе, поскольку сторона в момент заключения брачного договора знала его условия, была с ними согласна, добровольно и осознанно заключила его на согласованных условиях.

Кроме того, поскольку семейное законодательство предусматривает возможность отступления от равенства долей посредством заключения брачного договора, то несоразмерность выделенного каждому из супругов имуществе не может являться безусловным основанием для признания брачного договора недействительным. В рассмотренном споре, Истец указывал, что находится в крайне неблагоприятном положении, поскольку стоимость перешедшего Ответчику имущества более чем в десять раз превысила стоимость имущества перешедшего ему. Однако в проанализированном Определении Верховного Суда РФ было акцентировано внимание на том, что не имеет юридического значения стоимость имущества, переданного каждому из супругов по брачному договору, при установленных судами обстоятельствах отсутствия крайне неблагоприятного положения Истца с учетом количества и вида переданного ему имущества. Исходя из этого, можно сделать вывод, что при установлении крайне неблагоприятного положения одной из сторон брачного договора, ключевую роль имеет количество и вид переданного по брачному договору имущества, а не его стоимость.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному следует указать, что поскольку вопросы признания брачного договора недействительным в связи с тем, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, недостаточно урегулированы действующим законодательством, важную роль приобретает судебная практика, которая вырабатывает свои критерии того, что следует считать крайне неблагоприятным положением. Особое значение в таком случае имеют правовые позиции Верховного Суда РФ, находящие свое выражение как в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, так и в судебных постановлениях по конкретному делу, поскольку именно они способны повлиять на формирование единообразной правоприменительной практики.

По нашему мнению, проанализированное Определение Верховного суда РФ имеет важное значение для правоприменения, поскольку в нем выражена позиция по вопросам, которые не урегулированы действующим законодательством и которые могут возникнуть при оспаривании брачного договора, условия которого ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. В связи с чем нижестоящие суды, при рассмотрении споров данной

категории, должны учитывать соответствующую правовую позицию Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СЗ РФ от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. N 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «Гарант образование» (дата обращения: 29.12.2022).
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. N 18-КГ16-10 // СПС «Гарант образование» (дата обращения: 29.12.2022).
4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2022 г. N 33-КТ22-5-К3 // СПС «Гарант образование» (дата обращения: 30.12.2022).

UNFAVORABLE POSITION OF ONE OF THE SPOUSES AS A BASIS FOR THE INVALIDITY OF THE MARRIAGE CONTRACT

I.V. SHAMKIN

Tver State University

The article deals with the issues of recognizing a marriage contract as invalid on the grounds that its conditions put one of the spouses in an extremely unfavorable position. At the same time, special attention is paid to the analysis of law enforcement practice. In conclusion, it is concluded that the jurisprudence on this issue acquires an important role, since it develops its own criteria for what should be considered an extremely unfavorable situation.

Keywords: *marriage contract, invalidity of the marriage contract, extremely unfavorable situation, special, family law basis for the invalidity of the marriage contract, law enforcement practice.*

Об авторе:

ШАМКИН Илья Владимирович – студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, программа «Правовые основы семьи и брака», e-mail: ivshamkin@edu.tversu.net

ЗАЩИТА ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

В.М. Шутков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье рассматриваются основные вопросы защиты права на объекты интеллектуальной собственности, созданные в эпоху цифровизации, в том числе искусственным интеллектом, а также право авторства. Акцентируется внимание на произведениях, созданных искусственным интеллектом, и их правовом статусе. Проанализирована судебная практика по вопросу признания «современного» произведения самостоятельным, отдельным от человека. Рассмотрена и проанализирована проблема: кого признавать автором произведения, которое создано искусственным интеллектом и как в таком случае будет осуществляться защита.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, робототехника, произведения, защита авторского права, объекты интеллектуальной собственности, автор произведения, признаки авторства.

В мире отмечается курс внушительного увеличения инвестиций в технологии искусственного интеллекта, а, следовательно, увеличивается гражданский оборот результатов деятельности таковых технологий, что в свою очередь порождает спрос, формируя рынок.

Бесспорно, что на современном этапе жизни мощные компьютеры применяются абсолютно во всех отраслях экономики с целью модернизации и автоматизации процессов производства. Такие «продвинутые» машины активно используются в создании контента, который традиционно относят к искусству, в том числе музыкальные и литературные произведения, произведения изобразительного искусства и наиболее ярко это прослеживается в научно-технической сфере, дизайне и торговле.

С точки зрения права интеллектуальной собственности это видится использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) для создания нового результата интеллектуальной деятельности. Ни для кого не секрет, что с развитием ИИ, он может создавать самостоятельные объекты интеллектуальной собственности даже с отсутствием в этом процессе человека.

В связи с этим возникают вопросы: подлежит ли защите объект интеллектуальной собственности, созданный в эпоху цифровизации, включая ИИ? Может ли он в принципе защищаться? Если «да», то как и кем? Кому будут принадлежать права на такие результаты?

К сожалению, на данный момент ответов на эти вопросы нет ни среди ученых, ни среди законодательства, причем не только в РФ, но и в зарубежных странах.

Для понимания того, как ИИ создает объекты интеллектуальной собственности нужно обратиться к фактам. Так, в 2016 году группа музеев и исследователей из Нидерландов представила портрет под названием «Следующий Рембрандт» – новое произведение искусства, созданное

электронной вычислительной машиной, которая проанализировала тысячи работ голландского художника XVII века Рембрандта Харменсаван Рейна. В том же году японская компьютерная программа написала роман, который вышел во второй тур национальной литературной премии. А принадлежащая корпорации Google компания искусственного интеллекта DeepMind разработала программное обеспечение, которое создает музыку, слушая записи [13]. В других проектах ИИ писал стихи, редактировал фотографии и даже сочинял мюзиклы.

ИИ, будучи запрограммированным алгоритмом, способен к самообучению, посредством быстрого развития программного обеспечения.

Таким образом, появляется новый вопрос, имеет ли место творческий вклад в такое произведение и будет ли это произведение оригинальным, что является одним из основных критериев признания и предоставления охраны авторских прав во многих странах [9, с. 46-47].

Создание произведений с использованием ИИ имеет очень важные последствия для авторского права. Традиционно право собственности на произведения, созданные компьютером, не ставилось под сомнение, потому что программа была просто инструментом, поддерживающим творческий процесс, очень похожим на ручку и бумагу или кисть и холст. Творческие работы подпадают под защиту авторских прав, если они являются оригинальными, при этом большинство определений оригинальности требует наличия человека-автора [11, с. 38-41].

В большинстве современных зарубежных стран авторско-правовые отношения регулируются специальными законами. Во Франции – Кодексом интеллектуальной собственности 1992 г., аккумулирующим Закон об охране литературной и художественной собственности (1957 г.), Закон об авторском праве, правах артистов-исполнителей, производителей фонограмм и видеограмм и предприятий аудиовизуального вещания (1985 г.), а также Патентный закон и Закон о товарных знаках (1991 г.). В ФРГ – Законом об авторском праве и смежных правах (1965 г.). В Англии – Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах (1988 г.). В США – Законом об общем пересмотре авторского права (1976 г.). В Японии – Законом об авторском праве (1970 г.).

Большинство юрисдикций, включая Испанию и Германию, заявляют, что только произведения, созданные человеком, могут быть защищены авторским правом. Аналогичной позиции придерживается и Российская Федерация.

Но с появлением новейших типов искусственного интеллекта компьютерная программа больше не является инструментом; она фактически принимает многие решения, связанные с творческим процессом, без вмешательства человека [9, с. 181-183].

ИИ уже используется для создания произведений в музыке, журналистике и играх. Теоретически эти работы могут считаться свободными от авторских прав, потому что они созданы не человеком, но тогда будет невозможна их защита с точки зрения права.

Исходя из положений Всемирной декларации по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 года [2] автором признается любое лицо или

группу лиц, действующих независимо или под эгидой какой-либо правительственной или неправительственной организации с целью получения прибыли или по каким-либо другим основаниям, ответственных за творчество в любой области, включая науку и технику, искусство, включая исполнительское искусство и результат деятельности некоторых категорий производителей, таких как производители фонограмм и вещательные организации, товарные знаки, указатели деловых предприятий, промышленные образцы и развитие географических указаний. Автору также принадлежат все права, закрепленные в статье 27 Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций в 1948 г. [3], в частности: право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является. Однако, если автором объекта интеллектуальной собственности считать ИИ, то он юридически не может являться автором, поскольку не является человеком.

В Конвенции об охране литературных и художественных произведений от 09 сентября 1886 года [1] под автором так же понимаются физические лица, внесшие творческий вклад в создание оригинального произведения. Технологии ИИ тоже не попадают под определение автора и, следовательно, не попадают под защиту.

Существует трехсторонний международный договор, заключенный между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, который называется Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 09 декабря 2010 года [5], в котором содержится отсылка на вышеуказанные международные акты, соответственно, отсутствует определение автора.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы интеллектуальной собственности на национальном уровне, является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4]. Часть четвертая посвящена правам на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации и в ней освещаются такие важные институты как авторское и патентное право; права, смежные с авторскими; права на селекционные достижения, на топологии интегральных микросхем, на секрет производства (ноу-хау), на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Российская Федерация развивает национальное законодательство в области ИИ и, на основе международных договоров, принимает следующие акты: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [6], Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [7] и ряд других значимых документов.

Исходя из положений Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, при достижении цели и задач осуществляется принцип обеспечение баланса интересов разработчиков, потребителей и иных лиц в сфере искусственного

интеллекта и робототехники, а также при развитии технологий ИИ и робототехники следует предусматривать их подконтрольность человеку, что говорит о приоритете человека и его прав над ИИ и робототехникой.

Есть два очевидных варианта правового установления в отношении произведений, в которых человеческое воздействие минимально или отсутствует: отказ в защите авторских прав либо присвоение авторства таких произведений создателю программы [8, с. 38]. Также ряд ученых указывает на возможность признания авторского права на такие произведения за пользователем ИИ.

Сложившаяся судебная практика в зарубежной юрисдикции свидетельствует об отказе в защите авторских прав на произведения, созданные ИИ, поскольку в процессе их создания не было оригинальности, присущей произведениям человека. Однако ряд стран, таких как Гонконг, Ирландия, Новая Зеландия, Великобритания и др., в своем законодательстве предоставляют право авторства программисту, создавшему ИИ, подлежащее защите в случае нарушения [11]. В Российской Федерации судебных разбирательств с защитой права на объекты интеллектуальной собственности немного меньше, но они также присутствуют.

Интернет-сайт, веб-дизайн, компьютерная графика тоже можно рассматривать как объект авторского права, ведь кем-то он создан, значит, имеет автора.

Так, Высший Арбитражный Суд РФ отменил судебные решения предыдущих инстанций по делу о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на использование объекта авторского права, а именно информационное содержание сайта (контента), являющегося служебным произведением, указав, что судебные инстанции не оценили сайт в целом как составное произведение, не дали оценку элементам контента (дизайну сайта, рисункам, фотографиям); не выяснили, какие элементы сайта истца использовались ответчиком и в каком объеме, а так же, может ли считаться сайт ответчика самостоятельным составным произведением, созданным путем иного подбора или расположения тех же материалов. При новом рассмотрении дела суды указали, что при создании сайта ответчика скопирована существенная часть контента сайта истца как составного произведения и было вынесено решение об удовлетворении требований о взыскании компенсации за незаконное использование объекта авторского права [12].

Если говорить о компьютерной графике, то постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда ответчикам отказано в удовлетворении требования признания решения суда о признании исключительного права на произведение изобразительного искусства за истцом незаконным и необоснованным, поскольку компьютерная графика в виде произведений изобразительного искусства передана по договору об отчуждении исключительного права на произведение искусства, заключенного между автором (ответчиком) и правообладателем (истцом), истцу. Ответчики использовали данные произведения искусства в виде компьютерной графики без согласия правообладателя, хотя один из ответчиков являлся автором

произведения, который заключил договор об отчуждении исключительного права [13].

В следующем примере программа на основе ИИ, которая использует «социальный граф» — это абстрактный математический объект, представляющий собой множество вершин и набор ребер, узлы которого представлены социальными объектами с различными атрибутами, а ребра — социальными связями между ними, была использована в судебном процессе в качестве доказательства. Эта система участвовала при разрешении вопроса о другом споре по интеллектуальному праву. Согласно заключению данной программы, разработанной исследовательской группой Томского университета систем управления и радиоэлектроники, было найдено заимствование, но не на уровне прямого цитирования, а на уровне заимствования образного ряда. Однако решением Петроградского районного суда Санкт-Петербурга истцу, посчитавшему, что мультипликатор использует сюжет его книги, было отказано, так как судебная экспертиза опровергла заключение программы о заимствовании сюжета на основе 13 отрицательных ответов, поставленных перед экспертом [14]. Апелляционная инстанция оставила решение без изменения, а жалобу без удовлетворения.

Наиболее правильным видится вариант признания права собственности на объект интеллектуальной собственности, созданный ИИ, за создателем соответствующей программы для ИИ, или, если же право собственности передано по договору другому лицу, то собственником следует считать конечного владельца программы.

Люди переходят в период, когда они не смогут отличать контент, созданный человеком и ИИ, вследствие чего необходимо решать, какой тип защиты, если таковая имеется, необходимо предоставить новым продуктам, созданным с помощью интеллектуальных алгоритмов с минимальным вмешательством человека или без него [11, с. 119.]. Хотя законы об авторском праве отходят от стандартов оригинальности, которые вознаграждают навыки, труд и усилия человека, возможно, мы можем сделать исключение из этой тенденции, когда дело касается плодов сложного искусственного интеллекта.

Предоставление авторских прав лицу, сделавшему возможной работу искусственного интеллекта, кажется наиболее разумным подходом, а британская модель выглядит наиболее эффективной. Такая модель правового регулирования гарантирует, что компании будут продолжать инвестировать в технологии, зная, что они получают прибыль от своих вложений и надлежащую правовую защиту.

Список литературы

1. «Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений» от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «Консультант Плюс»;
2. «Всемирная декларация по интеллектуальной собственности» (Принята 26.06.2000) // СПС «Консультант Плюс»;
3. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант Плюс»;
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496;

5. «Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности» (Заключено в г. Москве 09.12.2010) // СПС «Консультант Плюс»;
6. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СПС «Консультант Плюс»;
7. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»;
8. Д-р Аннабель Беннетт, г-н Сэм Граната. На стыке международного частного права и интеллектуальной собственности. Руководство для судей. Публикация ВОИС № 1053R;
9. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: гражданско-правовые аспекты. Автореф. дисс. . . . д-р юрид. наук. Москва, 2018. – 420 с.;
10. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта. Автореф. дисс. . . . канд. юрид. наук. Москва, 2019. – 218 с.;
11. Andres Guadamuz. Artificial intelligence and copyright // URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html;
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 255/08 по делу № А63-14046/2006-С1 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=65925#09566288201310815>;
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2011 г. № 09АП-31934/11 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/53641932/#ixzz5pKCTm1Ks>;
14. Решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2-530/2019 от 21.03.2019 года // URL: https://pgr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=313040822&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

PROTECTION OF RIGHTS TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS CREATED IN THE AGE OF DIGITALIZATION: INTERNATIONAL AND NATIONAL APPROACHES

V.M. Shutkov
Tver State University

The article discusses the main issues of protecting the right to intellectual property objects created in the era of digitalization, including artificial intelligence, as well as the right of authorship. The attention is focused on works created by artificial intelligence and their legal status. The jurisprudence on the issue of recognizing a "modern" work as independent, separate from a person is analyzed. The problem is considered and analyzed: who to recognize as the author of a work created by artificial intelligence and how protection will be carried out in this case.

Keywords: *digitalization, artificial intelligence, intellectual property, works, copyright protection, intellectual property objects, the author of the work, signs of authorship.*

Об авторе:

ШУТКОВ Валерий Михайлович – аспирант 1 курса юридического факультета направления «Юриспруденция» программы подготовки научных и научно-педагогических кадров «Частно-правовые (цивилистические) науки» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (Россия, Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: valera.shutkov.1998@yandex.ru